

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2012

Содержание

1. ДЕВУШКА В ЖЕЛТОМ «ПОРШЕ»
2. АЛЕКСАНДР I И ПОЛЯКИ
3. ВСТРЕЧИ ВИКТОРА ВОРОШИЛЬСКОГО С РОССИЕЙ
4. ВИКТОР ВОРОШИЛЬСКИЙ (и о нем) по-русски
5. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
6. ТРЕТЬЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — РЕЦЕПТ ПРОТИВ КРИЗИСА
7. СОХРАНИТЬ ЛИЦО
8. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ
9. МАЛАЯ ПРОЗА ДАНИИЛА ХАРМСА
10. ОТКОС
11. ПОСТАНОВКА ДИАГНОЗА
12. РЕЛИКВИЯ
13. АНТИСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ
14. ХВАТИТ РАБСТВА!
15. СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ПЛАКАТА
16. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
17. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ДЕВУШКА В ЖЕЛТОМ «ПОРШЕ»

— Говорят, что Ян Кульчик свой первый миллион долларов получил от отца...

— Будем беседовать о деньгах? Я ни от кого никаких денег не получала.

— А вы помните, когда заработали свой первый миллион долларов?

— Я не проверяю свой банковский счёт каждый день. Но точно знаю, что каждую свою копейку я заработала. Большие деньги я стала зарабатывать относительно недавно, а работать для этого я начала с четырёх лет.

— Мне как-то не очень верится, что вы без эмоций отнеслись к тому, что стали обладательницей миллиона долларов.

— Но я, правда, не помню, когда перешагнула за миллион долларов, какое место я тогда занимала в рейтинге WTA [Женская теннисная ассоциация, Women's Tennis Association]. Я никогда не визжала от радости по поводу денег. «Ура, я в первой тридцатке! Я в первой двадцатке!» — вот что дает эмоции, а вовсе не деньги.

— Теперь вы в первой десятке.

— И каждый может проверить, сколько денег я заработала.

— Я проверила — 6,5 млн. долларов.

— Вот именно. Это деньги, заработанные на турнирах. Чем больше, чем важнее турнир, тем больше денег. И информация на эту тему всегда сообщается публике. Но я не знаю, хорошо ли это. Ведь это вызывает ревность и зависть. Люди наверное говорят: ей чуть больше 20 лет, а она уже так богата. Они, видимо, думают, что я прихожу, сумкой помашу, и мне тут же платят.

— Может быть потому, что вы носите чудовищно дорогие сумки от Луи Вюиттона?

— Я покупаю их только тогда, когда выигрываю турнир. Это премия. После проигрыша я не покупаю сумки себе в утешение.

— То есть у вас их шесть?

— Я думаю, что они вполне заслужены.

— И ездите вы на «Мазерати»?

— Нет. На «Порше каррера». Желтого цвета. Чтобы не бросаться в глаза. (Смех). Я в самом деле честно зарабатываю. Люди забывают о том, что надо совершить, как выложиться, чтобы несколько моих матчей подряд показывал канал «Евроспорт». Но я играю прежде всего для того, чтобы выигрывать, а не для того, чтобы заработать астрономические суммы. Вспомните, пожалуйста, что я из Кракова и деньги на ветер не бросаю. Когда я вижу футболку за сто долларов, то верчу пальцем у виска. И жду, когда будет распродажа.

— Теннис — это самый доходный спорт в мире?

— Ох, пожалуй, «Формула 1» больше. Ну и есть еще гольф.

— Я видела, что вы уже тренируетесь.

— Вы видели тот ролик с поля для гольфа? У меня неплохо получалось, правда? (Смех). Я не собираюсь менять вид спорта. По крайней мере до тридцати хочу играть в теннис профессионально. А это еще восемь лет.

— Вы добились хорошего контракта на рекламу на переговорах с итальянской фирмой «Лотто»?

— К счастью, эти суммы не обязательно следует сообщать публике. А кроме того, переговоры вела не я, а мой менеджер.

— Отец, Роберт Радванский?

— Нет. С февраля я связана с менеджерским агентством «Лагардер», а недавно, в сентябре, подписала контракт на три года с фирмой «Лотто». Теперь я буду играть в форме этой фирмы. Переговоры вел менеджер, но он всё время уточнял, каково мое мнение.

— Я так понимаю, что ваша рекламная ставка в этом году возросла?

— Чем лучше играешь, тем больше можешь потребовать. Это же нормально. И было бы странно, если бы я этим не воспользовалась. Карьера у спортсменов не слишком долгая.

— Вы уже откладываете на пенсию?

— Мне 22 года, я играю в одиночный теннис и думаю, что я ближе к началу, чем к концу. А деньги я буду инвестировать.

— Бухгалтерию по-прежнему ведет ваша мама?

— Да. И мою, и моей сестры Ули. Мама отвечает за всю бумажную работу. Подсчитывает и сообщает, какую сумму налога следует заплатить.

— Вы платите налоги в Польше?

— Главную часть налогов платишь в тех странах, где проходят турниры, в Польше тогда платишь уже меньше.

— Таким образом фактически вы содержите — или, может, лучше сказать обеспечиваете работой — всю семью, возглавляете фирму «Агнешка Радванская».

— Вся семья Радванских занята в теннисе. Пока что я зарабатываю больше, чем сестра, но Уля тоже зарабатывает на себя. Папа — наш тренер, а мама следит, чтобы с финансовой и бухгалтерской точки зрения всё было в порядке.

— Но управляете вы?

— Как вы настойчивы. Я на первом плане — может быть, поэтому вам так кажется. Заработанные мною деньги — это мои личные деньги. Но когда я хочу инвестировать во что-то крупную сумму, например купить квартиру в Кракове, то я обсуждаю это со всей семьей. Конечно, у меня всегда есть свое мнение, я отнюдь не тихоня.

— Все видели, как вы спорите с судьей, как реагируете на замечания отца. Своих детей вы тоже будете воспитывать как профессиональных теннисистов?

— Пока у меня нет ни детей, ни мужа. И не думаю, что до тридцати лет я стану матерью. Недавно на турнире — не помню, то ли в Стамбуле, то ли в Пекине — я разговаривала с коллегами-теннисистками в раздевалке о будущем детей, которые у нас могут появиться. И знаете, почти все они сказали, что не хотят, чтобы их дети так страшно мучились. Вкалываешь с юных лет. Сначала школа, потом до поздней ночи тренировки. И так изо дня в день. Ничего удивительного, что большинство теннисистов школьное образование заканчивает на восьми классах. Имеющих аттестат зрелости почти нет.

— Значит, вы — «маяк» среди теннисистов?

— Все удивляются, что у меня есть силы учиться. (Смех). Во втором и третьем классах лица я занималась индивидуально, до этого ходила в школу как все. В профессиональном теннисе ведущие игроки, занимающие первые места в рейтинге, не хотят учить биологию или математику: считают, что профессия у них уже есть и школа им не нужна.

— А вам зачем эта школа?

— Мне хотелось знать больше, чем только как давать удар справа или удар слева. К сожалению, свидетельств с отличием я никогда не получала, но, чтобы подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости, мне пришлось пропустить несколько турниров. Господи, какой у меня был стресс. А какой был бы стыд, если бы я провалила экзамены. Чтобы быстро вернуться к игре, я сдала пять устных экзаменов за одну неделю. Круто, правда? Мне было 18 лет, ведь в школу я пошла раньше положенного. И была тогда уже в первой тридцатке WTA. Но зато мне не довелось побывать на школьном балу, который проводится за сто дней до получения аттестата, потому что я играла. Не удалось побывать и ни на одном 18 летию своих одноклассников. Хорошо, что хоть про свои 18 лет я не забыла. Теперь я студентка, и в связи с этим тоже бывает стресс.

— На корте не видно, чтобы вы испытывали стресс.

— Я же играю в теннис уже 17 лет. Я умею это делать и знаю, что в теннисе важно. И всегда хочу выиграть. Как любой человек. Ни один матч не перевесит стресса, который испытываешь при сдаче устного экзамена по польскому на аттестат зрелости и экзамена на водительские права.

— И те, что предстоят в 2012 году на Олимпиаде в Лондоне, — тоже нет?

— Послушайте, это же профессиональный спорт, ничего нельзя предугадать. А я не гадалка.

— Когда играют мужчины, результаты очень даже предугадываемы.

— Знаю, знаю. А когда играют девушки — тогда ничего неизвестно. Я вовсе не издеваюсь. Просто так оно и есть, вот и всё. Девушки играют иначе. То у одной лучше получится, то у другой, бывает у кого-то хороший день, всё идет хорошо, а бывает, что и нет. И в самом деле это зависит буквально от всего: от корта, от погоды, от ветра, от сна, от месячных. Всё может повлиять. Мы, девушки, не бываем такими ровными в

игре, как наши коллеги-мужчины. Бывают дни, когда выходишь на корт и всё идет, как по заказу.

— У вас в 2011 году было много таких дней.

— Матч на матч не приходится. В узком кругу ведущих теннисисток у всех девушек примерно равные способности, так что многое зависит от удачи и от всех тех внешних факторов, о которых я говорила.

— Ваш отец говорил, что не допустит, чтобы вы стали королевой утраченных возможностей...

— Говорил, говорил. Но в то же время он понимает, что в женском теннисе, пока матч не завершен, пока не пожали друг другу руки, трудно что-либо предвидеть. Бывало так, что я проигрывала 0:5, а под конец выигрывала — и наоборот. Женщины-теннисистки очень неустойчивы.

— Если так дальше пойдет, то благодаря вам теннис станет национальным спортом поляков.

— Вы даже не представляете, как бы мне этого хотелось. Ручаюсь, что непрофессиональный спорт — это только здоровье.

— А профессиональный?

— Тут бывают и контузии, и усталость, но и сильные эмоции, и, как вы сами сказали, большие деньги. Я надеюсь, что и благодаря мне всё больше людей выходит на корт. Ради того, чтобы быть здоровым и красивым, ради того, чтобы иметь упругие ягодичы, всё равно, по какой причине. Я ручаюсь, что это супер-удовольствие. Правда, можно заработать «локоть теннисиста», хотя у меня был «локоть игрока в гольф» — с внутренней стороны возникает отёк, и локоть чертовски болит.

— Я была убеждена, что мускулатура у вас сильно развита, а у вас руки такие тоненькие.

— Некоторые теннисистки выглядят как землекопы, а по мне вроде бы не заметно, что я профессионально занимаюсь теннисом и вообще каким-либо спортом хотя бы раз в неделю.

— А Роджера Федерера вы по-прежнему любите?

— Ну разумеется. И не только я. Хотя мы знакомы на уровне «привет-привет». Для многих моих коллег-теннисисток Роджер тоже кумир.

— Ходят сплетни, что Агнешка Радванская + Томаш Викторовский = любовь и поэтому вы так прекрасно играете.

— До меня эти слухи тоже дошли. Разумеется, это полная чепуха. Нас с Томеком это здорово насмешило. Знакомые меня спрашивали: «Ися, ты что, с Томеком?». Я не понимала, о чём идет речь. Просто он мой тренер, сопровождает меня во время поездок на турниры, вот и всё. Мы знакомы много лет, мы дружим и в любой ситуации находим общий язык.

— Может быть, и поэтому у вас такие прекрасные результаты?

— Мы же проводим вместе иногда по четыре-пять недель подряд. Если бы мы не дружили, то это могло бы стать невыносимым.

— Мой отец — очень хороший тренер. Он меня всему науч

— Отец заставлял вас нервничать и на корте, и вне корта?

ил. Впрочем, в Польше мы по-прежнему тренируемся вместе. Вот только что мы закончили утреннюю тренировку, и я не позволю сказать про него ни одного плохого слова. Просто у нас не получалось находить общий язык вне корта, вот и всё. Просто папа — очень нервный человек и не выдерживал этого огромного давления. А я тоже не отношусь к тем, кто держит свои нервы в узде, хотя по сравнению с папой я человек спокойный. Он слишком всё переживает.

— Встречаясь перед тренировкой вы чмокаете друг друга или же говорите: отец, дай пять?

— Ну что вы. Только «привет» и «начали». В последнее время мы встречаемся дважды в день. Практически это выглядит так, как будто мы и не расставались. Но ни один из нас не склонен к многословию. Это мой отец, и я знаю: он хочет, чтобы у меня всё складывалось как можно лучше.

— А ваши матчи он будет по-прежнему смотреть по телевизору?

— И это к лучшему. По крайней мере, лишний раз не будет нервничать. Когда он сидел на трибуне, то мы все нервничали. Я уже устала от темы отношений с моим отцом.

— Вы занимаете восьмое место в рейтинге WTA. У вас есть цель: попасть в 2012 г. в первую тройку?

— Я могу ставить себе цель, а как всё сложится, ясно будет на месте. Ведь я занимаюсь женским теннисом. (Смех). Как будет на Олимпиаде в Лондоне, тоже неизвестно. Конечно, от олимпийской медали я бы не отказалась. Я хочу быть первой и знаю, что это возможно.

Беседу вела Магдалена Ригамонти

АЛЕКСАНДР I И ПОЛЯКИ

Самодержец, властелин половины мира.

Сдвинул брови — мчатся вдаль тысячи кибиток;

Подписал — и слезы льют матери убитых;

Глянул — хлещет царский кнут, — что Хива, что Неман!

Царь, ты всемогущ, как бог, и жесток, как демон!

Приведенные строки из поэмы Адама Мицкевича «Редут Ордона» (пер. С.Кирсанова) — типичный пример изображения российских правителей в культуре польского романтизма, изображения, которое по-прежнему определяет облик династии Романовых в сознании современных поляков. Каждый выносит из школы образ царя-чудовища, земного воплощения дьявола, чуть ли не вурдалака, питающегося кровью бедных и невинных патриотов. Не будет преувеличением утверждение, что русский царь (как топос) по сей день остается одним из важнейших отрицательных героев польской культуры.

Тем не менее среди русских монархов, имевших случай вписать свое имя в польскую историю, мы находим фигуру, которую смело можно признать спорной, то есть не поддающейся прямо негативной оценке. Это Александр I, император российский в 1801–1825 гг., создатель Царства (по-польски — Королевства) Польского и его монарх с 1815 года. Характерная расплывчатость, с которой современные поляки (не только историки) подходят к его личности, представляет собой до известной степени наследие дилемм наших собственных предков, двести лет назад живших под скипетром «воскресителя отечества».

У источников взаимных связей

Кульминационный момент обожания Александра поляками приходится, понятное дело, на период «возрожденного Королевства». Следует, однако, помнить, что 1815 год не знаменовал первого соприкосновения обеих сторон. Уже задолго до того, как международное положение позволило вернуть имя Польши на карту Европы, имя русского

императора оставалось тесно связанным с польским национально-освободительным движением.

Александр Павлович вззошел на трон в результате трагической смерти своего отца в 1801 году. Дитя зрелого Просвещения, потрясенный и замороженный американской войной за независимость и французской революцией, он еще в бытность великим князем мечтал о фундаментальной реформе русского абсолютизма. Отнюдь не случайно воспитанием будущего государя руководил швейцарский гувернер Лагарп, энтузиаст республиканских идей и яростный враг деспотизма. Это он привил Александру искреннюю неприязнь к Наполеону Бонапарту, которого многие считали предателем революции и который ввел во Франции самодержавное правление в масштабах, неведомых даже «Королю-Солнцу».

Те же идеалы разделяли с молодым императором его ближайшие друзья. Александр подружился с ними еще много лет назад, когда пламенно жаждал братского окружения, чтобы избавиться от придворных интриг и конфликтов между бабкой-императрицей и отцом-цесаревичем. В кружок, насчитывавший несколько человек, входил и тридцатилетний князь Адам Ежи Чарторыйский, потомок полонизированного литовского рода, игравшего на протяжении всего XVIII века ключевую политическую роль в Речи Посполитой Обоих Народов. После разделов Польши родители Адама были вынуждены по приказу Екатерины II отослать сына к петербургскому двору, где ему предстояло вознестись до будущего сановника Российской империи. В этих обстоятельствах он и подружился с великим князем Александром, который после восшествия на престол вверил ему попечение над российской дипломатией.

Действия князя Чарторыйского на его посту стали ключевым событием в польско-русских отношениях эпохи после разделов. Уже в 1803 г. Чарторыйский представил свой первый антинаполеоновский проект, предусматривавший реорганизацию политической карты Европы. Краеугольным камнем этого плана было воскрешение Речи Посполитой под скипетром династии Романовых. С той поры и на протяжении дальнейших лет наполеоновских войн стремление препоручить Александру дело восстановления польско-литовского государства составляло цель не только Чарторыйского, но и других политиков родом из так называемых западных губерний, включенных в состав империи в результате разделов Польши. Император рассматривал эти планы с меньшим или большим энтузиазмом в зависимости от того, соответствовали

ли они, по его мнению, интересам России. Главное препятствие составлял тот факт, что значительная часть территории бывшей Речи Посполитой находилась не только вне границ России, но вдобавок под управлением Пруссии и Австрии — главных союзников Александра в наполеоновских войнах. И в конечном итоге полякам не удалось склонить императора даже предоставить автономию Литве, хоть она и располагалась на его собственных землях.

«Воскреситель» в момент «воскрешения»

Перелом наступил в 1812–1815 гг., когда на развалинах наполеоновской империи Россия выросла в самую мощную державу на континенте. В этот момент создать государство для поляков с русским императором на троне было для Александра не только возможно, но и необходимо. Его собственные представления о послереволюционном мире прямо требовали такого шага. Новое польское государство не только удовлетворяло принципам дорогой императорскому сердцу христианской справедливости, но и позволяло Александру выступить в издавна желанной роли конституционного монарха.

Известие о создании Царства Польского было принято на берегах Вислы с эйфорией. Александра почти сразу провозгласили «воскресителем отечества» и «спасителем нации». Благодарность новому польскому монарху выражалась всячески: о нем слагали стихи и песнопения, совершали молебны за него, его имя давали новорожденным детям, обзаводились литографированными портретами благодетеля. Патриотическое воодушевление вызывало в памяти похожие сцены, происходившие в декабре 1806 г., после вступления Наполеона в освобожденную от пруссаков Варшаву. Однако тогда французы серьезно обманули возлагавшиеся на них надежды, учредив лишь скромное Герцогство Варшавское. Ныне поляки получили гораздо больше — с этой минуты имя Польши вернулось на карты, а на троне восседал не герцог, а их собственный король.

Прежде чем огласить свое решение, Александр отнюдь не был уверен, удастся ли ему снискать благосклонность «варшавских» поляков, до того пребывавших под иною властью. Поэтому князь Чарторыйский уже некоторое время вел сдержанную агитацию, противодействуя местной русофобии, которую разжигали в Герцогстве перед самой войной 1812 года. Благостную картину портила и долгая оккупация привислинских территорий царскими полками, преследовавшими наполеоновскую армию. Реквизиции и

насильственный постой серьезно затрудняли жизнь всем жителям, от крестьян до вельможных господ. Можно, однако, предполагать, что даже без усилий Чарторыйского — кстати, не носивших такого уж широкого размаха — всеобщее ощущение счастья и благодарность Александру были бы отнюдь не меньше. Национально сознательным полякам с территории Герцогства важно было тогда только одно — независимость. Кто им ее обеспечивал, тот безоговорочно завоевывал их сердца. По жребию судьбы это выпало Александру.

Разумеется, с самого начала не было недостатка в недовольных. Одни настолько подпали под чары Наполеона, что всё еще не могли стряхнуть их с себя. Другие, даже более многочисленные, сетовали, что по территории Королевство меньше Герцогства и уж тем более ему далеко до Речи Посполитой. Многие с подозрением смотрели на некоторые решения Александра. Ему ставили в упрек хотя бы герб нового государства, едва ли не тождественный имперскому. Эти проявления неудовольствия и сомнений блекли, однако, на фоне всеобщего ощущения счастья: вновь есть Польша, и вновь Королевство, с конституцией, ссылающейся на Правительственный закон от 3 мая 1791 года. А всё остальное — мелочи, не имевшие тогда особого значения.

Десятилетие александровского мифа

Трудности, которым со временем предстояло порвать узы, связывавшие поляков с династией Романовых, начались уже в первый период существования Царства Польского. Многих возмущало поведение брата императора, великого князя Константина, который, командуя армией, зачастую словесно и физически измывался над подчиненными. С самого начала плохо выглядел в глазах публики и Николай Новосильцов, чрезвычайный царский эмиссар, занимавшийся главным образом надзором и слежкой за обществом. Неблагодарно смотрели там и на серию отставок заслуженных политиков времен Герцогства Варшавского, которых заменяли поляками, более тесно связанными с новым строем. В 1819 г. вопреки конституции была введена цензура. В 1821 г. ликвидировали (как и во всей Российской империи. — Ред.) любые тайные союзы, в том числе масонские ложи, игравшие до этого момента важную роль, оказывавшие огромное, порой решающее влияние на политическую и культурную сферу и числившие среди своих членов высших государственных сановников. Поляки замечали постепенное, но неуклонное укрепление правительства, непосредственно подчинявшегося Петербургу. Следствием глубокой привязанности общества к

идеалам шляхетской демократии и к слабой центральной власти становилась всё более отрицательная оценка текущей ситуации.

Самодержавные реформы Александра в значительной степени вытекали из традиций царской власти. Невзирая на то, что император самолично дал полякам конституцию, он рассматривал ее скорее в категориях политического эксперимента, нежели навеки обязывающего и ограничительного документа. Сам царь быстро убедился, что примирение обеих систем власти: самодержавия и конституционной монархии — довольно трудная задача для одного человека. Помимо личных склонностей государя, на такое состояние дел неблагоприятно влияла и атмосфера, сложившаяся в европейской политике. Уже на Венском конгрессе либеральные и конституционные тенденции соперничали с реакционным неоабсолютизмом. Воспоминания о терроре якобинцев, а особенно — о войнах с Наполеоном привели к серьезной переоценке прежних взглядов на возвышенные цели просвещенных революционеров 1789 года. Уже одна возможность возвращения к кошмару последних лет вызывала серьезные опасения у монархов всей Европы. В результате везде обострялся контроль над подданными и проводилась политика грубой ликвидации любых проявлений сопротивления. Новые беспорядки в Италии и на Пиренейском полуострове беспокоили Александра, который даже в России столкнулся с таким испытанием, как бунт отборного гвардейского полка. Поэтому царь всё критичнее оценивал поведение поляков, у которых хватало смелости публично критиковать начинания правительства Царства Польского. Император верил, что только незыблемая центральная власть в состоянии спасти человечество от больших бед. Переломным оказался 1820 год, когда в Сейме открыто проявила себя либеральная оппозиция во главе с братьями Немоёвскими, требовавшая от правительства соблюдать конституцию. В ответ Александр на протяжении пяти лет подряд не созывал очередных заседаний Сейма, хотя сам же ранее установил норму, которая обязывала проводить их раз в два года.

Как это ни парадоксально, но прогрессирующее разочарование во взаимных отношениях не приводило к ослаблению мифа «воскресителя отечества». Бунт поляков против горькой действительности подсознательно вел к погружению в пучины фантазии. Их критика была направлена прежде всего на королевского наместника, министров, великого князя Константина, Новосильцова, только не на монарха. Нередко они, похоже, даже верили, что состояние дел, против которого

они протестуют, вытекает из неведения Петербурга о действиях варшавских властей. Император, по крайней мере на уровне публичных высказываний поляков, оставался вне подозрений. Общество прекрасно отдавало себе отчет в том, что только Александру оно обязано фактом сегодняшнего существования Королевства. Стареющие политические верхи, помнившие времена Речи Посполитой, воспринимали царский дар как увенчание многолетней борьбы за независимость. Выступить против Александра означало бы признать в жизненном поражении. На краю могилы они не хотели допустить и мысли, что их жизнь, с молодых лет посвященная почти исключительно делу нации, оказалась бессмысленной.

Особым форумом для изъявления благодарности Александру за устроение Королевства были Сеймы 1818, 1820 и 1825 годов. Этим занимались как депутаты, близко связанные с правительством, так и скептики. Особенно подчеркивался факт великодушия российского повелителя, который простил недавних врагов и несмотря на участие Герцогства в войне 1812 г. одарил польский народ собственным государством с самим собою на троне. Многие выражали также гордость тем обстоятельством, что Польша пребывает в унии с самой крупной державой Европы. Это воспринималось как наилучшая гарантия безопасности. Александру воздавали честь и за восстановление извечных гражданских прав. На основании такого обращения к прошлому доказывался польский характер нынешней конституции и всего государства, а следовательно, и благие намерения императора-короля. С особым восторгом отождествляли Александра с Ягеллонами. Тем самым соотносили ныне действующий польско-русский союз с теми средневековыми узами, которые связывали Корону с Русью, входившей тогда в состав Великого Княжества Литовского. При этом не скрывали надежду на скорое объединение литовско-украинских губерний с Царством Польским, что туманно обещал сам Александр в 1815 году. Существующие границы многим казались прелюдией к восстановлению в будущем всей Речи Посполитой.

Новое поколение, новые представления, новые мифы

На первый взгляд, смерть Александра в 1825 г. мало что изменила в смысле отношения к его особе. Это в особенности показали варшавские траурные церемонии в честь почившего монарха, ставшие одной большой патриотической манифестацией — почестями, которые народ воздал делу «воскрешения» Польши. Вскоре начали думать об установке памятника, которого до сих пор не было. При жизни скромный

император позволил только возвести в Варшаве храм (существующий доныне костел св. Александра), который подчеркивал Божественный источник его благодетельности. Однако теперь у поляков появилась особая потребность подчеркивать личные заслуги Александра — и не ради того, чтобы доказывать их наличие самим себе, но дабы внушить их новому монарху, Николаю I. Тот, как известно, с самого начала был склонен проявлять скорее суровость, чего поляки вовсе не хотели безропотно принимать. Поэтому они не стеснялись указывать новому монарху на старшего брата как на образец для подражания в отношениях с поляками. И всякий раз, когда ему напоминали об обязанностях, вытекающих из конституции, тут же автоматически ссылались на Александра. При этом предусмотрительно возводили текст конституции в ранг откровения, ни единой буквы которого нельзя было изменять ни под каким видом. Для поляков аргументом служила неразрывная связь между незыблемым существованием конституции и бытием Царства Польского, в котором им хотелось видеть возрожденную Польшу. Да, они сознавали, что Николая это может мало интересовать; поэтому в отношениях с ним особый упор делали на то, что такова была воля его усопшего брата.

Однако дни мифа Александра уже в тот период были сочтены, обстоятельства постоянно сгущались, всё громче звучал голос молодого поколения, проникнутого идеалами романтизма. Убежденная в абсолютной обоснованности своих чаяний, молодежь собиралась не довольствоваться свершениями родителей, а решительно идти стократ дальше. Их жизнь лишь начиналась, а продолжение борьбы за полную свободу они почитали ее смыслом. Разразившееся в 1830 г. восстание, которое подняла горстка юнкеров-подхорунжих, и парадоксальное нарушение конституции во имя ее защиты ознаменовало начало конца существовавшего положения. Естественным образом конституция вскоре после этого перестала быть хоть какой-то точкой опоры. Теперь поляки хотели уже новой Польши, без всяких уний или прямых внешних влияний. Официальное низложение династии Романовых с польского престола в январе 1831 г. было последним гвоздем в гроб Царства Польского. Вместе с этим «государством» похоронили и миф Александра-воскресителя.

На его месте выросли новые мифы: романтические, демонические, уже не апеллирующие к конкретной личности, а описывающие одно сложное существо, не ограниченное человеческой природой и длящееся в течение поколений, — царя-чудовище. В его основу легли образы двух полонофобов,

душителю восстаний 1830 и 1863 гг., — Николая I и Александра II.

Со временем появились и первые исторические труды. Ученые начали размышлять над фактическими мотивами, стоявшими за решением Александра о создании Царства Польского, а также над его политикой в отношении поляков. Однако независимо от конкретных выводов, никто уже не намеревался признавать Царство Польское подлинным польским королевством, а его создателя — подлинным польским королем. Это, однако, не меняет того факта, что оценки личности Александра по сей день отличаются значительными расхождениями. Этот единственный случай открытого и искреннего дружелюбия поляков к российскому монарху эпохи разделов по-прежнему поражает и заставляет задумываться.

ВСТРЕЧИ ВИКТОРА ВОРОШИЛЬСКОГО С РОССИЕЙ

Во вступительной заметке к сборнику стихов Натальи Горбаневской в польских переводах «Ангел деревянный» Виктор Ворошильский писал:

«Наталья Горбаневская — выдающаяся поэтесса, лирическая поэтесса прежде всего, но парадокс ее судьбы состоит в том, что в глазах читателей поэтессу как бы заслонила другая фигура с тем же именем и фамилией — героиня исторического жеста и кропотливой оппозиционной повседневности, а поэтесса, менее заметная, жила как бы в ее тени (...)».

В этом замечании много правоты, и не только в применении к Горбаневской. Не только в ее случае какая-то часть биографии заслонила другие, не менее важные ее элементы. Этот парадокс судьбы относится и к самому автору вступительной заметки. Для некоторых его биография кончается на его «романе» с коммунизмом, а произведения этого периода часто повторяются и цитируются. Так происходило в особенности в 90-е годы, которые были своеобразным расчетом с прошлым, и расчет необязательно вытекал из внутренней потребности, чаще был спровоцирован, вызван другими: журналистами, комментаторами, рецензентами. Не без горечи вспоминает об этих провокациях Ворошильский в сборнике публицистики «В джунглях свободы»:

«Хельга Хирш, корреспондент гамбургской газеты «Цайт» (...) спросила меня, чем объясняется, что поляки — иначе, нежели, скажем, чехи и особенно немцы из бывшей ГДР, — не слишком, на ее взгляд, возбуждены лозунгом декоммунизации (...). Я ответил примерно так: в польском обществе процесс декоммунизации — не сверху, а самостоятельно, можно бы сказать «самодекоммунизации», — начался, притом не формулируя лозунга, давно, по крайней мере в середине пятидесятых, и продолжался в дальнейшем, не исключая периода военного положения».

Говоря о «самодекоммунизации», автор «Моих русских» имел в виду в особенности себя самого, так как на первую половину 50-х приходится его расхождение с коммунизмом. О многих поэтах и писателях из стран социалистического лагеря говорят,

какой в их жизни произошел перелом, связанный с 1956 годом, прежде всего с венгерским восстанием. Однако у Ворошильского дело выглядит несколько иначе. Перелом ему принес уже 1952 год, и связан он был с пребыванием в Москве, где Ворошильский учился в аспирантуре Литературного института. В одном интервью он так вспоминал этот опыт:

«Летом 1953 года, приехав на первые каникулы, я направился прямо в ЦК и со всей наивностью сообщил о своем разочаровании в России, советской власти, коммунизме и т.п.».

К счастью, разочарование в России носило только политический характер и не затронуло других областей его деятельности и мысли. Этому помогли люди, которых он встретил на своем пути. Знаменательно, что со многими русскими из своих знакомых того времени он дружил много лет и был им обязан хотя бы тем, что написал биографические книги о русских писателях, о чем еще будет речь впереди.

Если искать причины этого разочарования в советской действительности, то наверное среди важнейших окажется влияние образа России, созданного в литературе, которую Ворошильский прямо глотал. Здесь дает о себе знать юношеский пыл и идеализм. Ворошильский говорит, что он жертва русской литературы, изображавшей иллюзорный мир, совершенно не тот, что застал он в 1952 году. Из литературы на него смотрела прекрасная, идеальная, утопическая русская душа, «какой-то взлет в духовную Вселенную», что-то, что влечет, чарует, во что жаждешь верить.

Эта самая первая Россия в жизни будущего писателя — чтение книг, оставленных красноармейцами, отступавшими от немецкой армии в 1941 году, в его родных местах. Среди разных авторов особое место занял Владимир Маяковский, юношеский кумир Ворошильского. Но это не только восторг перед поэзией Маяковского — юноше особенно близко было его мировоззрение. Годы спустя Ворошильский откровенно признавался:

«...я подражал ему в стихах и хотел, как он, чувствовать себя “революционером в жизни и поэзии”».

Имя Маяковского появляется и в контексте выезда Ворошильского на учебу в Москву. Ему была посвящена диссертация, положившая затем начало биографической книге «Жизнь Маяковского».

Ворошильский провел в Москве четыре необычайных года, необычайных хотя бы по интенсивности происходивших тогда событий. У писателя была возможность наблюдать положение перед самой смертью Сталина и сразу после нее, он был на похоронах, видел толпы заплаканных людей. Он оставался в СССР и тогда, когда на волне «оттепели» стали возвращаться из лагерей и с вечного поселения люди, «перемолотые строем, который сами запроектировали, а значит, мучимые угрызениями совести». Такие, например, как Анна Берзинь, вдова Бруно Ясенского, которая «говорила, что никаких претензий к судьбе у нее нет, так ей и таким, как она, и надо, потому что, еще будучи партийными, они голосовали за полную власть Сталина». Этих людей Ворошильский воспринимал как более свободных, чем те, кого раньше встречал на воле.

Благодаря воспоминаниям Ворошильского мы имеем возможность видеть разные акты драмы России, регистрировать перемены и изменения. Можем осознать, что грубая действительность — это не только Москва, но и отдаленные республики, в которых тоже подвергаются репрессиям и погибают выдающиеся художники; особенно в этом контексте писатель говорит о Грузии, родине Сталина и Берии, «где жестоко вырезали интеллигенцию», — лучшее доказательство того, что режим дотягивался повсюду и не щадил никаких «врагов народа».

Пребывание в СССР — это еще и поездки по стране, легальные и нелегальные. В 1954 г. Ворошильский впервые побывал в Грузии и Армении, в 1956 м поехал в Азербайджан и Среднюю Азию. В памяти оставались не только живописные пейзажи, не только «один из самых прекрасных городов мира» — Сухуми, но и колючая проволока, шедшая посередине города-лагеря Караганды, части которого в разные годы возводили всё новые и новые жертвы репрессий — кулаки, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, немецкие военнопленные.

Автору диссертации о Маяковском, вернувшемуся в Польшу в 1956 году, не досталось легкой жизни, тем более что в ноябре ему удалось полететь с самолетом Красного Креста в Будапешт и вблизи наблюдать ход событий. Его «Венгерский дневник» привел к тому, что имя Ворошильского стало хорошо известно в СССР. Настолько хорошо, что многих советских граждан, приезжавших в Польшу, в посольстве сразу предостерегали от встреч с ним. И дорога на восток оказалась для него практически закрытой. Ему удалось только раз, в 1971 г., поехать по приглашению в Таллин и нелегально побывать в

родном Гродно и в Вильнюсе. Тогда-то он через Томаса Венцлову познакомился с Иосифом Бродским. Результатом его оппозиционной деятельности стал на некоторое время полный запрет на публикации, охватывавший не только его собственные произведения, но и переводы; вдобавок он был окружен «особой заботой» органов ГБ, включая интернирование во время военного положения.

Это, однако, не помешало Ворошильскому и его жене Янине создать в квартире на варшавском Жолибоже одно из самых известных мест встреч — важное место на литературно-культурной карте Варшавы. Здесь в декабре 1970 г. прошел концерт Булата Окуджавы, на который многие были приглашены лично: связь по телефону не годилась. Ворошильский упоминает об этом вечере в своей биографической заметке об Окуджаве из книги «Мои русские». Его дочь Наталья помнит и другие встречи, например с Евгением Евтушенко, который появился в Варшаве как «звезда» и никак не мог понять, что никто из собравшихся у Ворошильских не стукач; с Эдвардом Стахурой — в роли главного героя; с Анджеем Северином, который выступил с моноспектаклем по «Двенадцати» Блока; камерную встречу с Иосифом Бродским в 1993 г. перед его авторским вечером.

Дом Ворошильских для многих был важным, безопасным, вдохновляющим местом, где обмен мыслями и вообще встречи с другими людьми были чем-то необычайно существенным. Наталья Ворошильская вспоминает, что только после смерти родителей вполне отдала себе в этом отчет, в чем ей помогли и другие люди, бывавшие у них дома. Одновременно она обнаружила, что не все, кто у них бывал, знали друг друга, некоторые встретились впервые только после смерти родителей. Она осознала, что отец очень старательно подбирал людей на встречи, по-своему их «конфигурировал», отбирал в согласии с только ему известным критерием, а результатом становилась встреча, приносящая вдохновение. Уже тут мы имеем дело с укреплением связей между поляками, русскими, украинцами, белорусами, литовцами — и не только. Роль «деликатного хозяина», как назвал Ворошильского Богдан Осадчук, дала идеальный зачин многим мероприятиям, горячим спорам, полемике. Встречи на Жолибоже подтверждают, однако, и ту печальную истину, что легче подружиться людям разных народов, чем народам, которые они представляют.

Если речь зашла о дружбе, то следует вспомнить, что со многими русскими у Ворошильского дружба длилась многие

годы. Хотя сразу надо сказать, что это не были легкие, гладкие, некритические отношения. Приведем хотя бы пример Евгения Евтушенко, которого — из-за его позирования в роли «звезды» — Ворошильский всегда воспринимал с известной долей иронии, и Роберта Рождественского, с которым Виктор дружил, но потом их пути разошлись. В число его друзей можно включить Наума Коржавина, Фазиля Искандера, Иосифа Бродского, Юнну Мориц, Наталью Горбаневскую, Булата Окуджаву. Часто это была дружба на расстоянии, как, например, с Геннадием Айги, который очень помог Ворошильскому в сборе материалов для биографий Маяковского и Есенина, — дружба духовная и поэтическая по переписке. Айги, кстати, тоже немало обязан Ворошильскому, который не только дал русско-чувашскому поэту существование в польском литературном сознании, но и помог ему выплыть на широкие воды, стать популярным в Западной Европе, которая открыла его как раз благодаря переводам Ворошильского. Польские переводы — дебют Геннадия Айги за границей, и ничего удивительного, что поэт потом не без сентимента вспоминал «польский плацдарм» на пути к всемирной славе.

Если говорить о материалах к биографическим книгам Виктора Ворошильского, присланных русскими, то следует подчеркнуть, что он автор четырех биографий. Первая — это роман «Сны под снегом» о Салтыкове-Щедрине. Этот русский писатель XIX века помог Ворошильскому увидеть Россию совсем с иной точки зрения. Благодаря Салтыкову-Щедрину польский писатель перестал воспринимать окружающую его советскую действительность только реалистически и начал замечать некий ее вневременной аспект: читая произведения Щедрина о царской России, Ворошильский без труда обнаружил в них некоторые черты советской России, не говоря уже о том, что с изумлением открыл, что и в современной ему, и в современной Щедрину России художник нередко оказывается перед лицом схожих и непреодолимых ограничений — тирании, глупости, цензуры. Может быть, именно этот момент отождествления с автором «Истории города Глупова» привел к тому, что мы имеем дело с рассказчиком от первого лица. «Сны под снегом» (1963) — это первая книга, которая, как подчеркивает Ворошильский, не была бы написана без помощи русских друзей, снабжавших его материалами, к которым сам он не имел доступа.

Однако более известной стала другая биография авторства Ворошильского. Мы имеем в виду «Жизнь Маяковского» (1965), ставшую полемикой с диссертацией, написанной во время четырехлетнего пребывания в Москве в 1952–1956 гг., и

свидетельством перемены, которая произошла с ее автором. В книге «Жизнь Маяковского» Ворошильский переносит ударения: героическая фигура революционера становится романтическим героем, разорванным, несчастливо влюбленным. Интересна, однако, не только тема, но и форма этой книги: нечто вроде коллажа, компиляции цитат из разных высказываний, хроники, газетных и журнальных статей. Автор говорит о сходстве с монтажом документального фильма, о склейке разных кусков материала. Конечно, главным было обойти цензуру, издать книгу без цензурных исправлений и вырезок. Множество материалов, использованных в этой книге, Ворошильский получил от Геннадия Айги, работавшего тогда в Музее Маяковского.

В интервью Татьяне Бек писатель подчеркивает, что много лет занимался русскими темами, вообще не бывая в России. Это относится и к двум его следующим книгам, о которых мы здесь еще не говорили. Это «Жизнь Сергея Есенина» и книга о Пушкине с красноречивым названием «Кто убил Пушкина». Последняя долго не могла быть опубликована (имя автора находилось под запретом), и первое издание вышло только в 1983 году (второе — в 1991 м). Сам Ворошильский говорил, что работа над этой книгой заставила его осознать, что Пушкин и его жизнь — это как бы прототип и символ судеб русских писателей разных эпох, и не только русских.

Симптоматична с этой точки зрения глава «Клетка», где Ворошильский подробно описывает попытки Пушкина вырваться за границу и трудности в контактах с внешним миром. Фон книги составляет царская цензура, контроль над жизнью Пушкина в ссылке, донесения третьих лиц о его образе жизни, о том, как он одевается, ведет себя, поиски предлога к обвинению и аресту поэта. Но мы без труда видим здесь проницательный диагноз, относящийся в действительности к некоторому универсализму как русских судеб, так и судеб тех, кто по своей или не по своей воле находится в орбите влияния империи, к фатализму существования в метафорической клетке, из которой невозможно вырваться. Подтверждением могут служить хотя бы слова Ворошильского о Пушкине: «...свою судьбу он увидел как звено длинной цепи судеб своих предшественников, часто самых трагических судеб, что, разумеется, не предвещало, будто он от этого окажется избавлен».

Биографические книги Ворошильского — очень важный элемент его творческой биографии и его «приключения» с Россией, но не подлежит сомнению, что важнейшее, что он

совершил в этой области, — это его внушительное переводческое наследие, охватывающее поэзию, прозу и драматургию XIX–XX веков. Ворошильский переводил романы и рассказы, пьесы и детские книги, но на первом месте, конечно, стоят его переводы русской поэзии. Как поэт, занимающийся переводами поэзии, Ворошильский решительно поддержал запрет Станислава Баранчака (из его «Малого, но максималистского переводоведческого манифеста») на переводы поэзии прозой. Он говорит об этом в фельетоне «Русские (и не только) мотивы» (май 1991), возражая на выдвинутое Мацеєм Цислой предложение переводить стихи Иосифа Бродского или Натальи Горбаневской на польский язык прозой (потому что тогда они, может быть, зазвучат лучше) и обвиняя автора рецензии, тоже кстати поэта, в «бесчувственности (...) к мелодическому и рифмованному стиху, прямом неразличении в рамках такого стиха разнообразия интонаций и эмоционально-смысловых доминант).

К важнейшим переводческим достижениям Ворошильского принадлежит двухтомная, почти в тысячу страниц, «Антология новейшей русской поэзии», подготовленная тремя переводчиками: Виктором Ворошильским, Витольдом Домбровским и Анджеєм Мандальяном, — вышедшая во Вроцлаве в 1971 году. В нее входили произведения начиная с 80-х годов XIX века и до конца 60-х — XX-го. Ответвлением этой большой антологии стала вышедшая в том же году в Варшаве малая антология «Русские символисты и акмеисты».

Однако фундаментальный труд Ворошильского — посмертно изданная антология «Мои русские». Издание этой книги уже в свободной Польше оказалось делом нелегким. Она пролежала в нескольких издательствах, пока наконец удалось найти издателя, что, как подчеркивает дочь поэта Наталья, произошло совершенно случайно. Первое издание разошлось сравнительно быстро, и вскоре вышло второе. Книга создавалась много лет, менялись ее концепции, однако со временем вырисовалась ее окончательная форма. Ворошильский работал над ней даже тогда, когда уже был тяжело болен. Он диктовал заметки о поэтах жене Янке — сам писать он уже не мог. Изданием «Моих русских» занялась и довела это дело до счастливого конца Наталья Ворошильская. Антология вышла в 2006 г., в десятилетие со дня смерти автора, во вроцлавском издательстве «Бюро литерацке».

«Мои русские» — это частный лексикон, посвященный первому учителю и проводнику Ворошильского в области

перевода русской поэзии Северину Полляку. Всего в антологии 210 произведений 65 поэтов. Однако главную оригинальность книги составляют собранные в конце текста заметки об авторах. Там мы найдем массу острот, анекдотов, но прежде всего увидим, какими запутанными бывают человеческие судьбы, какие драматические сюжеты выпали на долю многих писателей. Трудно избавиться от мысли, что здесь не встретишь много счастливых историй, многих спокойных, беззаботных людей.

Наконец, очень ценны в заметках об авторах затронутые Ворошильским — как бы на полях биографий — разнообразные темы: от империализма до панмонголизма, от Руси до современной России, — свидетельствующие не только об эрудиции автора, но и о его неустанном интересе ко всему русскому. Здесь мы видим и страсть, и ангажированность, и перфекционизм Ворошильского.

Ворошильский переводил не только с русского, но и с немецкого, украинского, белорусского, а при помощи русских переводов — с грузинского и литовского. Кроме того он знал французский и английский, изучал испанский. За свои переводы он получил в 1979 году премию Польского ПЕН-клуба. Он был лауреатом и других премий, в том числе Фонда Костельских (1965), журнала «Литература на свете» (1996).

Однако отношения Виктора Ворошильского с Россией — это не только его книги, посвященные русским писателям, или его переводы русской литературы, но и переводы его произведений на русский язык. Ворошильского переводили Наталья Горбаневская (опубликовала в «Континенте» стихи и «Венгерский дневник»), Ксения Старосельская (переводила прозу), Владимир Соколов, Владимир Британишский, Андрей Базилевский и другие переводчики стихов^[1].

И наконец последняя часть связей Ворошильского с Россией — его деятельность в области, как это верно назвал Богдан Осадчук, польской «восточной политики». Это, с одной стороны, критическое мышление писателя о России и определенных опасностях, связанных с наличными там имперскими тенденциями. Такое мышление было особенно ценно с точки зрения многих украинцев, литовцев и особенно белорусов, которые, как и он, с опасениями наблюдали эти тенденции в 90-е годы XX века, сразу после эйфории, вызванной распадом империи. На этом поле Ворошильский оставался бдительным до самого конца. Однако требования по делам бывших советских республик не мешали его стараниям,

направленным на взаимопонимание поляков и русских во всех существенных вопросах. Ворошильский ставит на первое место диалог, о чем лучше всего свидетельствует его участие во встрече русских и польских деятелей культуры в Радзеёвицах 24–25 апреля 1990 года. Это одно из самых успешных начинаний по сближению Польши и России после краха коммунизма, особенно если оценивать его, глядя из сегодняшнего дня. В связи с этим писатель побывал в России после 34 летнего перерыва. Он поехал туда приглашать русских писателей и ученых на Дни советской культуры. Название этой встречи — «Поиски общего языка» — предполагало уже хорошо известный в Польше сценарий «круглого стола», за которым с русской стороны сидели такие люди, как Фазиль Искандер, Виктор Ерофеев, Олег Чухонцев, Наталья Иванова, Анатолий Приставкин, Евгений Попов, Вячеслав Пьецух, Юнна Мориц, Сергей Аверинцев и Ксения Старосельская. Польскую сторону представляли хозяева встречи Михал Ягелло и Виктор Ворошильский, а также проф. Мария Янион, Яцек Бохенский, Анджей Дравич, Тадеуш Конвицкий, Рафал Маршалек, свящ. проф. Януш Пасерб, Адам Поморский, Збигнев Жакевич, Ирена Левандовская. Во время диалога в Радзеёвицах было сделано немало верных наблюдений, хотя бы об источниках чуждости между поляками и русскими, о взаимных стереотипах и их происхождении, об империализме, коммунизме, о насилии и его источниках, о русском и польском духе, о концепции *homo sovieticus*.

Эта встреча, однако, обнаружила не только стремление к взаимопониманию и диалогу, но и различия во мнениях, иногда крайне принципиальные, и хотя многие участники призвали стараться преодолеть общие обиды и претензии, но это всё-таки удалось не до конца. Демоны истории время от времени требовали своего. Оказалось, что предложенная вначале дискуссия о литературе, об «обществе, говорящем литературой», осталась как бы в стороне от интереса участников встречи.

Последние годы жизни Ворошильского принесли новые наблюдения над Россией. Их источником стала публицистика из католического журнала «Вензь» («Связь»), где у писателя с давних пор была постоянная рубрика. Его публицистика из «Вензи» собрана в трех книгах. Первая, «На сужающемся отрезке» (1971–1980), вышла в Лондоне, а потом, в 1984 г., в краковском подпольном издательстве; еще две — уже в свободной Польше. Сборник, в который вошли тексты 1981–1989 гг., озаглавлен «Позвольте нам радоваться», третий, с последними текстами (1989–1993), — «В джунглях свободы». В

его публицистике много текущей политики, обзоров важных для писателя статей и книг, но много и крайне интересных наблюдений о литературе и кино. Поражает поэтичность этих записок, что особенно видно в описаниях природы. Здесь также немало афористических высказываний, верных и поражающих своей злободневностью заметок на разнообразные темы. Особенно заслуживает внимания читателей последний сборник.

Ворошильский пишет здесь о цене преобразований и их результатах. В его рассуждениях чувствуется невероятный такт и деликатность. Благодаря этим текстам легче понять сложность российских преобразований, недоверие общества к ним. «Россия печальна, сбита с толку, наполовину застыла во внутренней растерянности и страхе перед неизвестностью. От прошлогодней эйфории общества, победившего путч, не осталось и следа».

Насколько в годы перестройки взгляд Ворошильского на Россию был оптимистическим, настолько в 90-е годы настроения уже другие. Внимательно приглядываясь к посткоммунистическим джунглям свободы, писатель на примере своих знакомых и друзей видит, что происходящие преобразования у многих из них не вызывают ожидавшегося чувства радости и надежды на будущее, но приносят растерянность, отчаяние, потерю ориентации в окружающей действительности, где они не могут найти себе места.

* * *

Ворошильский – поэт, Ворошильский – прозаик, Ворошильский – переводчик, Ворошильский – публицист — в каждой из этих ролей он умел найти себя и прочно закрепить свое место. Можно без преувеличения констатировать, что он был одним из важнейших зодчих польско-русского взаимопонимания, одним из главных свидетелей перемен XX века, яркой, иногда спорной личностью. Невозможно в этом кратком очерке представить всю сложность этих отношений, однако моим замыслом было напомнить об этом писателе, в некоторых кругах уже забытом, и потребовать памяти о нем, так как, на мой взгляд, любой разговор о Польше и России без Виктора Ворошильского будет скудным и неполным.

Публикуемый текст — сокращенный вариант одноименной статьи, которая будет напечатана в №1/2 «Пшеглэнда русицистичного» («Русистского обозрения») за 2012 год.

1. Сюда безусловно нужно прибавить Георгия Кухарского, «безымянного» переводчика «Снов под снегом» (Лондон: ОРІ, 1980). — Пер.

ВИКТОР ВОРОШИЛЬСКИЙ (и о нем) по-русски

I.

В лагере я был спокоен. [Интервью — Борис Кузьминский; стихи в пер. Владимира Британишского; Сны под снегом (фрагмент прозы). Пер. Г.С.Кухарского] // Независимая газета. 21.09.1991.

Венгерский дневник. Пер. Н.Горбаневской // Континент. 1978. №16. — То же // Искусство кино. 1992. №4. — То же // 1956. Осень в Будапеште. М.: Март, 1996.

Виктор Ворошильский. [Прощальная заметка В.Британишского и стихи в его переводе] // Литературная газета. 30.10.1996.

Виктор Ворошильский [три стихотворения в пер. В.Британишского, С.Аверинцева и В.Соколова и фрагменты интервью] // Меценат и мир. 1997-1998. №6-7.

Виктор Ворошильский. [Пер. С.Свяцкого, А.Базилевского, О.Абрамович, В.Соколова, С.Аверинцева, Н. Горбаневской, В.Британишского] // Польская поэзия: XX век. Антология. [Т.3]. Виктор Ворошильский, Станислав Гроховяк, Тадеуш Новак, Эрнест Брыль, Ярослав Марек Рымкевич. Ред. Андрей Базилевский. М.: Вахазар, 1999.

Виктор Ворошильский (1927-1996) // Польские поэты XX века. В пер. Натальи Астафьевой и Владимира Британишского. Антология. Т.2. СПб: Алетейя, 2000.

Виктор Ворошильский [стихотворения в пер. А. Базилевского] // Сделано в Польше. Век XX. Антология. М.: Вахазар, 2009.

Дневник интернированного. [Стихи. Пер. Бориса Раевского, Марианны Роговской, Владимира Соколова. Предисл. Г.Айги] // ИЛ. 1991. №7.

Заметки очевидца // Новая Польша (далее — НП). 2000. №2.

Из книги «Последний раз». (Стихи. Пер. Владимира Британишского) // Иностранная литература. 1996. №5.

Из новой книги стихов. Пер. Н.Горбаневской // Континент. 1984. №40.

Из последних стихов. Пер. и вступит. заметка Сергея Аверинцева // Русская мысль (далее — РМ). 30.01.1997.

Из серого конверта Виктора Ворошильского (Стихи. Пер. Тамары Якжины и Сергея Донского) // Меценат и мир. 2000. № 11-13.

Интервью с Виктором Ворошильским. Взяла Н.Дюжева // РМ. 9.07.1981.

Иосиф Бродский в Польше // РМ. 1.07.1993. — То же // http://imwerden.de/pdf/brodsky_w_polsche_1993.pdf

Истории (Рассказы. Пер. Ксении Старосельской) // Феникс. 1993. №2-3.

Как я понимаю «Письмо вождям» [А.И.Солженицына] // Континент. 1974. №1. [Подписано: Голос из Польши; Редакция «Культуры». В «Культуре» было напечатано под крипт. Н.Н. из Варшавы].

Кирюшка, где ты? [Главы из книги для детей. Пер. Н.Горбаневской. Публикация не была завершена] // РМ. конец 1981 — начало 1982.

Мои русские. (Отрывки из книги). Предисл. и пер. Натальи Горбаневской. // НП. 2000. №9.

На Западе. Страницы из дневника // Континент. 1981. №30.

О русских: цитаты и примечания // РМ. 24.07.1975. [Под крипт. Н.Н. (Варшава)].

О чем идет речь. (Стихи). Пер. Андрея Базилевского // Митин журнал. 1992. Вып.44.

Открытое письмо заместителю премьер-министра Мечиславу Раковскому [после смерти Гжегожа Пшемька] // РМ. 16.06.1983.

Письмо в редакцию // Континент. 1996. №85.

Поэзия, которой так повезло. Виктор Ворошильский о Булате Окуджаве. Вступит. заметка Эльжбеты Савицкой. С прил.: из письма Янки Ворошильской // РМ. 26.06.1997 (Спец. прил. «Памяти Булата Окуджавы»)

Поэты «новой волны». Сост. и предисл. В.Ворошильского. // ИЛ. 1993. №3.

Разговор с Россией. (Подборка эссе о России, написанных в разные годы). Пер. А.Коростелевой // Дружба народов. 1993. №5.

Роман с Россией. Беседу вел Сергей Бычков // Московский комсомолец. 4.03.1990.

Сегодня в Польше. Цикл стихов. Авториз. пер. А.Ревича // Знамя. 1954. №6.

Сны под снегом. [Пер. Ежи (Георгия) Кухарского. В книге указано, что это анонимный перевод, распространяемый самиздатом]. Лондон: ОРІ, 1980. — Рец.: Айги Геннадий. Сны под снегом. [Вступит. заметка М.Г.] // РМ. 16.04.1981.

Сны под снегом [Отрывок]. Пер. Ежи Кухарского // Неделя. 25.11.1991. №48.

Стихи 1970–1980-х годов. Пер. и прим. Владимира Британишского. // Новый мир. 1993. № 1.

Стихи разных лет. Пер. Н.Горбаневской // НП. 2000. №9.

Три стихотворения. Пер. В.Британишского // НП. 2000. №9.

Чего хотят поляки? // Культура. Париж. Русский выпуск №3. 1981. [Под крипт. Н.Н. из Варшавы].

Эпос и Этос // Синтаксис. 1987. Вып.20.

Я в России, Россия во мне. Последнее интервью Виктора Ворошильского. (Интервью взяла Иоанна Щенская при участии Анны Додзюк) // НП. 2000. №9.

Я — жертва русской литературы. (Интервью взяла Татьяна Бек) // Вопросы литературы. 1995. №2 (Они пишут. Вып.ІІ). — То же (фрагмент): // Меценат и мир. 2000. № 11–13.

...Я продолжаю переводить русскую поэзию. (Беседу ведет О.Панченко) // Лит. газета. 21.02.1996.

ІІ.

Бохенский Яцек. Мои приключения с Виктором, как я их помню. Пер. Тамары Якжины // Меценат и мир. 2000. №11–13.

Британишский Владимир. Вспоминая Виктора Ворошильского // НП. 2000. №9.

Венцлова Томас. Пушкин как неизбежный «другой». [В частности, о кн. Виктора Ворошильского «Кто убил Пушкина» — варшавское переиздание книги 1983 года] // ИЛ. 2009. №4.

Виктор Ворошильский // Бек Татьяна. До свидания, алфавит! М.: Б.С.Г.-пресс, 2003.

Ворошильская Наталья. Встречи с Айги. // НП. 2006. №4.

Горбаневская Наталья. Памяти Виктора Ворошильского // РМ. 26.09.1996. — То же: // НП. 2000. №9.

Горбаневская Наталья. «Поэт, переводящий поэзию» // НП. 2000. №9.

К биографии Виктора Ворошильского. Сост. Н.Ворошильской // Меценат и мир. 2000. № 11-13.

Мандальян Анджей. Родство по выбору. (О кн. «Moi Moskale. Wybór przekładów z poezji rosyjskiej...» // НП. 2006. №5.

Михник Адам. Пушкин и русские глазами польского писателя [О кн. Виктора Ворошильского «Кто убил Пушкина?»] // Континент. 1984. №40.

«Мои москали» // Русский курьер Варшавы. 2006, апр.

«Мои москали». С издателем книги Артуром Бурштой беседует Ирина Завиша // Польское радио для заграницы.
<http://www.polskieradio.pl/zagranica/ru/news/artykul35109.html> —
То же: InoСМИ.Ru:
<http://www.inosmi.ru/radio/20060407/226656.html>

Н.Г. Виктор Ворошильский в Монжероне // РМ. 19.11.1981.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Международная атака хакеров на правительственные сайты. Атаке подверглись сайты: sejm.gov.pl, prezydent.pl, premier.gov.pl, kprm.gov.pl, abw.gov.pl, mon.gov.pl, ms.gov.pl, pip.gov.pl, arimr.gov.pl, uzp.gov.pl, knf.gov.pl, bor.gov.pl, policja.pl, cbs.policja.pl, cert.gov.pl, platforma.org.pl, zaiks.org.pl, tusk.pl, pawelgras.pl». («Жечпосполита», 23 янв.)

- «Польша стала следующей после США (...) жертвой кибервойны, объявленной хакерами из международной группы «Анонимус». В воскресенье они продолжили свои атаки — на этот раз пострадали правительственные сайты Бразилии и сайт Европарламента (...) По заявлениям «Анонимуса», это была акция протеста против планов премьер-министра Дональда Туска подписать международное соглашение АСТА о защите интеллектуальной собственности. Значительная часть интернет-сообщества считает, что подписание АСТА приведет к цензуре в сети». (Войцех Выбрановский, «Жечпосполита», 23 янв.)

- «Произошла типичная хакерская атака, именуемая DDoS (огромное количество запросов, ведущее к блокаде информационных услуг на перегруженных серверах) (...) Чтобы вывести из строя сервер канцелярии премьер-министра, эти запросы должны были поступать приблизительно с 1,5 млн. компьютеров одновременно. Такой внезапный интерес пользователей кажется весьма маловероятным. Люди, заявляющие, что именно это вызвало обвал сервера, занимаются очковитирательством. Это типичный результат хакерской атаки, в которой, кстати говоря, уже призналась определенная группа (...) По своему масштабу эта атака подобна той, которая была совершена в 2007 г. в Эстонии (...) Если бы, несмотря на обещания [подписать АСТА], новых атак не было, это тем более напоминало бы репетицию перед по-настоящему серьезной атакой. Ведь нет смысла атаковать второй раз, когда атакующий уже узнал всё, что хотел», — полковник Мечислав Тарновский, бывший начальник Агентства внутренней безопасности. («Польска», 27–29 янв.)

- «Тысячи пользователей интернета вышли вчера на улицы польских городов, чтобы выразить протест против подписания

правительством АСТА (...) Большинство протестов носило мирный характер. Трагически закончилась демонстрация в Кельце, в которой участвовало около 3 тыс. человек (...) Один полицейский ранен. Задержаны 24 человека». (Тадеуш Грынкевич, Эва Седлецкая, «Газета выборча», 26 янв.)

• «Давно уже так много поляков не выходило на улицу протестовать против правительства Дональда Туска. В последние дни самым шумевшим событием стали протесты пользователей интернета (...) и водителей, требующих снизить цены на топливо. Недавно протестовали врачи и аптекари — против закона о льготах на лекарства, а также пограничники и полицейские, требовавшие повышения зарплаты. Столь массовые демонстрации отразились и на рейтингах популярности. (Агатон Козинский, «Польска», 30 янв.)

• «В других странах люди тоже протестовали, но таких организованных выступлений не было нигде (...) Причина проста: польская молодежь в гораздо большей степени, чем немецкая или французская, бесплатно потребляет культуру с помощью интернета (...) Это означает, что воровство в Польше морально санкционировано. Молодые люди не видят в этом ничего плохого. Но есть и другая сторона медали (...) Речь идет о соотношении доходов молодежи в Польше и на Западе: разница огромна. Часто цифровая действительность для них важнее т.н. «реала». Поэтому их привела в бешенство новость: у вас нет будущего (...) Почти половина поляков до 25 лет пользуется интернетом (...) Дело касается миллионов (...) Свободный интернет по-настоящему интересует миллионы молодых поляков. И они могут перевернуть вверх дном всю политическую сцену», — проф. Януш Чапинский. («Впрост», 30 янв. — 5 февр.)

• «Многие редакции стоят перед дилеммой: способствует ли публикация газет и журналов в сети их популяризации, или же такой бесплатный доступ — убийственная «самоконкуренция»? Как совместить бесплатное распространение «продукта» с необходимостью платить за издание? (...) Соглашение АСТА касается только подделки товарных знаков, пиратского нарушения авторских и других подобных прав в торговом масштабе (ст. 23, п.1). Процедуры его выполнения должны учитывать принципы свободы слова, справедливого суда и приватности (ст. 27, пп.2 и 4). Открывает ли соглашение возможность для злоупотреблений? Не знаю», — о. Адам Бонецкий. («Тыгодник повшехный», 5 февр.)

• «Вчера посол Польши в Токио [Ядвига Родович] подписала соглашение АСТА. Тем самым правительство проигнорировало

хакерские атаки и многотысячные уличные протесты молодежи». («Жечпосполита», 27 янв.)

- «Премьер-министр приостановил ратификацию АСТА (...) По словам Дональда Туска, процесс ратификации не возобновится до конца 2012 года». («Жечпосполита», 4-5 февр.)

- «Без ратификации соглашения АСТА всеми подписавшими его странами оно не сможет стать документом ЕС. Возможно, оно вступит в действие, если будет подписано достаточным количеством стран за пределами Евросоюза, но это не будет иметь обязательной силы для ЕС, в т.ч. и для Польши», — Джон Клэнси, пресс-секретарь Еврокомиссии. («Газета wyborcza», 8 февр.)

- Многие участники вчерашней встречи премьер-министра с представителями творческих кругов, блогерами и пользователями интернета требовали отказаться от ратификации АСТА. «Правительство не отзывает подписи под документами только потому, что этого требует та или иная группа. Такое правительство должно было бы подать в отставку», — ответил Дональд Туск. («Жечпосполита», 7 февр.)

- «“Наша позиция по АСТА была непродуманной. Это соглашение пытается защищать права слишком высокой ценой свободы в интернете”, — заявил вчера Дональд Туск (...) Премьер сообщил, что на форуме ЕС он будет добиваться отказа от АСТА в нынешнем виде». («Газета wyborcza», 18-19 февр.)

- «Пришло время менять власть в Европарламенте. На этой неделе Ежи Бузек подаст в отставку с поста его председателя (...) Бузек уходит на основании заключенного в 2009 г. соглашения между двумя крупнейшими фракциями — Европейской народной партии и Прогрессивного альянса социалистов и демократов. Представитель каждой из них председательствует половину срока». («Дзенник — Газета правна», 17 янв.)

- 25 стран-членов ЕС, включая Польшу, согласовали вчера новый фискальный пакт, который формализует существовавшую и раньше практику проведения отдельных саммитов стран еврозоны, но с определенными ограничениями. Встречи эти будут проходить только непосредственно после саммитов Евросоюза, их повестка дня будет согласовываться с каждой страной-участницей фискального пакта, а тематика будет касаться борьбы с кризисом. Она не будет связана с конкурентоспособностью европейской экономики, изменениями в функционировании еврозоны и фискальным договором — эти темы

зарезервированы для саммитов лидеров всех стран ЕС. Дональд Туск счел такой результат согласования удовлетворительным. (Анна Слосовская, «Жечпосполита», 31 янв.)

- «Согласие правительства Дональда Туска, чтобы еврозона два раза в год проводила саммиты исключительно в кругу своих членов, было ошибкой (...) Наше правительство допустило возникновение внутри ЕС отдельного союза с собственными встречами на уровне глав государств и правительств». (Збигнев Парасьянович, «Дзенник — Газета правна», 17 янв.)

- «Из последних высказываний министра [финансов Яцека] Ростовского (...) следует, что Польша (...) не вступит в фискальный союз (...) поскольку в течение ближайших нескольких лет не намерена вводить европейскую валюту (...) Пока что министры нашего правительства ловко сочетают европейскую риторику с (...) медлительностью и заботой о собственных интересах (...) Фискальный союз, т.е. уравнивание национальных бюджетов под контролем брюссельских чиновников, потребует резкого сокращения государственных расходов, ограничения инвестиций и, вероятно, повышения налогов. Если этот проект будет осуществлен, польское правительство встанет перед выбором: выполнить условия присоединения к европейской элите, рискуя провалиться на выборах, или (...) попробовать еще раз продержаться до следующих выборов (...) Правительство Дональда Туска снова выбрало затягивание времени. Это не спасет нас от экономического кризиса, но наверняка будет означать отказ от реформ и политическую маргинализацию в Евросоюзе», — Александр Качоровский. («Ньюсуик-Польша», 23-29 янв.)

- «С самого начала кризиса еврозоны польское правительство последовательно избегает активного участия в спасении Евросоюза. Для Дональда Туска важнее всего, чтобы наша страна успешно справилась с кризисом и не расплачивалась за помощь Греции, Португалии или Италии. Премьер явно считает, что Польша, ставшая седьмой экономикой объединенной Европы, по-прежнему становится на ноги и должна заниматься прежде всего восполнением цивилизационных пробелов. По его мнению, мы всё еще слишком слабы, чтобы брать на себя ответственность за трудности единой валюты (...) Министр финансов Яцек Ростовский с возмущением «опроверг» заявление председателя Европарламента Мартина Шульца о том, что Польша хочет заменить злотый единой валютой в 2015 году. Невозможно было прозрачнее намекнуть, что Варшава не верит

в прочность валютного союза (...) Хотя Польша располагает значительными валютными резервами и сильными финансами, она не участвует в пакетах помощи ЕС «периферийным» странам Европы. Кредит, который мы предоставили для укрепления капитала МВФ, — не что иное как выгодный и безопасный вклад, а вовсе не дар. Наши банки не должны списывать половину стоимости греческих облигаций, а наше правительство не выделит средства на новый европейский стабилизационный механизм. Польша — не единственная страна, избравшая подобную стратегию (...) Но ни одна другая страна так решительно не протестовала против отдельных саммитов лидеров еврозоны. Нельзя стоять по обе стороны баррикады — избегать риска, не вводя евро, и в то же время решать его судьбу», — Енджей Белецкий. («Дзенник — Газета правна», 2 февр.)

- «Польша развивается благодаря европейским субсидиям. Если бы у нас их не было, прошлогодний ВВП был бы ниже на 3,7–5,6%. Зато более высокой была бы безработица — на 1,2–3,2%. За счет денег из Брюсселя выросли инвестиции, причем на 17–32%. «Во времена кризиса значительная часть инвестиций осуществлялась в публичном секторе за европейские деньги. В 2004–2011 гг. половину роста инвестиций обеспечили средства, поступившие из ЕС», — говорит Мацей Буковский из Института стратегических исследований». («Газета wyborcza», 25 янв.)

- «Очень важна координация монетарной и фискальной политики. В Польше такая координация есть. Я испытывал гордость, когда на экономическом форуме в Давосе слышал похвалы в адрес Польши. На фоне еврозоны есть три европейские страны, выделяющиеся своим подходом к экономике. Это Польша, Швеция и Турция. Иногда можно услышать положительные отзывы и о Латвии. Там была ужасающая ситуация с государственными финансами, но, несмотря на это, латыши сумели совершить чудо. В течение года потребление упало на 40%, очень сильно снизились и зарплаты, благодаря чему выросла конкурентоспособность латвийской экономики (...) Когда, беседуя с латышами, я спрашивал, как они пережили этот кризис, то услышал в ответ, что кризис у них был, когда их вывозили в Сибирь», — Марек Белька, президент Польского национального банка (ПНБ). («Газета wyborcza», 30 янв.)

- «В этом году на экономическом форуме в Давосе мы были представлены скромнее, чем год назад. Были, правда, президент Бронислав Коморовский и президент ПНБ Марек

Белька. Зато не приехали высокопоставленные представители польского правительства — в 2011 г. приезжали министры финансов и иностранных дел. В Давосе я обнаружил еще одну деталь, которая может свидетельствовать о силе нашей экономики: писсуары фирмы «Коло» в пресс-центре». (Лешек Бай, «Газета wyborcza», 30 янв.)

• «“После наших осенних прогнозов Польша предприняла дальнейшие усилия по фискальной консолидации. В этом году это должно приблизить ее дефицит к 3% ВВП”, — сказал еврокомиссар Олли Рен. И хотя польский дефицит превысит разрешенные 3% и составит 3,3%, Еврокомиссия не будет рекомендовать штрафные санкции против Польши. Согласно новому, принятому в сентябре 2010 г. предписанию ЕС, страна может избежать санкций, если ее дефицит близок к 3% ВВП, государственный долг не превышает 60% ВВП и в недавнем прошлом она провела пенсионную реформу». («Жечпосполита», 12 янв.)

• «Польша уменьшает дефицит государственных финансов за счет роста бюджетных доходов. Это ненадежный способ, оценивают эксперты Форума гражданского развития (...) Уменьшение дефицита государственных финансов путем роста доходов может быть краткосрочным и привести к замедлению экономического развития». («Газета wyborcza», 17 янв.)

• «Польское правительство должно отменить барьеры, ограничивающие иностранные инвестиции Открытых пенсионных фондов (ОПФ) — таково решение Европейского суда справедливости (...) «Польша нарушила гарантированную соглашением свободу обращения капитала», — постановил суд». («Газета wyborcza», 22 дек.)

• «Согласно вчерашнему постановлению Высшего административного суда, власть может засекречивать заказанные ею экспертизы, сославшись на защиту авторских прав. Вчерашнее слушание касалось отказа президента от обнародования экспертиз, связанных с дополнениями к закону об ограничении деятельности ОПФ. Президент закон подписал. Форум гражданского развития и фонд «е государство» при поддержке Общества местных лидеров гражданских групп, а также юрист Марек Домагала потребовали предоставить им эти экспертизы. Они выиграли процесс в Воеводском административном суде, который в трех приговорах постановил, что документ, заказанный государственной властью в рамках исполняемых ею обязанностей за публичные деньги, является публичной информацией и подлежит публикации». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 28–29 янв.)

- «После 20 лет преобразований Польша теряет скорость, набранную благодаря реформам 1989–1993 годов. Впереди этап превращения в развитую экономику, с меньшими возможностями быстрого роста. В оптимистическом варианте (при стагнации в Европе) нам грозит рост около 3% в год, а в менее оптимистическом — значительно более медленный», — Рышард Петру, председатель Общества польских экономистов. («Жечпосполита», 3 февр.)
- «С октября 2011 г. почти удвоилось (с 20 до 38%) число поляков, считающих, что в течение года состояние польской экономики ухудшится. Большинство опрошенных уверено, что экономический кризис — проблема всей Европы (79%)». («Газета wyborча», 12 янв.)
- «По данным «Евробарометра», 50% поляков не хотят повышения пенсионного возраста. Противоположного мнения придерживаются 36%. Во всем Евросоюзе 6 из 10 опрошенных не согласны на повышение пенсионного возраста». («Жечпосполита», 23 янв.)
- «По мнению Анджея Садовского из Центра им. Адама Смита, [экономический] кризис вызван прежде всего кризисом верхов и политических систем. Если в демократической системе можно принимать решения, которые увеличивают государственный долг, обременяя им будущие поколения, значит, серьезные опасности могут исходить не только от тоталитарных государств, но и от демократий, которым не хватает привязанности к ценностям». («Жечпосполита», 21–22 янв.)
- «В прошлом году ВВП Польши вырос на 4,2%». («Жечпосполита», 20 янв.)
- «К концу 2010 г. Польша занимала 24-е место в мире по объему ВВП и 39-е по ВВП на душу населения». («Жечпосполита», 12 янв.)
- «В декабре средняя зарплата на предприятиях составила 4015 злотых — это на 4,4% больше, чем за год до этого. Однако инфляция в этот период составила 4,6%, поэтому реальная зарплата стала ниже. Это произошло после шести лет заметного роста. В последние годы покупательная сила зарплат росла в темпе около 3% в год, а в 2006 г. выросла даже более чем на 7%». («Жечпосполита», 19 янв.)
- В 2011 г. объем депозитов домашних хозяйств увеличился на 56,7 млрд. злотых и составил 477,9 миллиардов. В 2010 г.

банковские вклады физических лиц увеличились на 37,6 млрд. злотых». («Жечпосполита», 14-15 янв.)

• «Согласно опросу, проведенному группой ING, поляки чрезвычайно довольны своим финансовым положением. 50% опрошенных чувствуют себя комфортно или очень комфортно с тем количеством денег, которое у них отложено (...) Как это возможно (...) если на фоне других государств мы зарабатываем намного меньше? (...) «Вместо того чтобы спрашивать людей, сколько денег они отложили, мы спросили о чувствах, которые они испытывают в связи с количеством отложенных средств», — говорит Гжегож Огóнек, экономист ING — Силезского банка (...) Доля ответов «с имеющимися у меня накоплениями я чувствую себя очень комфортно» была в Польше самой высокой среди всех европейских стран (18%). Мы опередили американцев (13%), немцев (10%) и голландцев (7%). Еще более довольными, чем мы, оказались индийцы (30%) и тайландцы (29%)». (Марта Раковская, «Польска», 3-5 февр.)

• «Конституционный суд постановил: кооперативные сберегательно-кредитные кассы (КСКК) должны контролироваться Комиссией по финансовому надзору (КФН) (...) До сих пор КСКК жили по своим законам. На практике только их руководство знало, каково их истинное финансовое положение». («Дзенник — Газета правна», 13-15 янв.)

• «В январе уровень безработицы составил 13,3% (...) Эксперты успокаивают: зимой всегда меньше сезонных работ. В 2012 г. уровень безработицы не должен превысить 13,5%». («Газета выборча», 9 февр.)

• «По данным «Евростата», в Польше живут 5 млн. малоимущих (14% населения). Еще шесть лет назад их было почти 13 млн. (34%). Столь быстрое падение числа людей, живущих в бедности, не наблюдалось ни в одной другой европейской стране». («Газета выборча», 9 февр.)

• «В прошлом году разрешение на работу в Польше получили свыше 41 тыс. человек, т.е. почти на 4 тысячи больше, чем в 2010 м (...) По оценкам крупнейших рекрутинговых компаний (...) в 2012 г. в поисках работы в Польшу приедут по меньшей мере 55 тыс. человек. Больше всего — с Украины, из Белоруссии и Вьетнама». («Дзенник — Газета правна», 7 февр.)

• «С января по ноябрь 2011 г. предприниматели подали в поветовые центры занятости 247 тыс. заявлений, на основании которых они хотели принять на работу граждан из-за польской

восточной границы. В 2007 г. было подано лишь 27,3 тыс. таких заявлений». («Дзенник — Газета правна», 1 февр.)

- «Изменился принцип получения польского гражданства. Теперь это будет не привилегия, а право, которое можно будет отстаивать в суде. Такое решение принял в среду Конституционный суд, в полном составе отклонивший жалобу президента Леха Качинского (поддержанную президентом Брониславом Коморовским). Шесть судей высказали особое мнение (...) Согласно новому закону, воевода будет «подтверждать» гражданство лица, удовлетворяющего определенным требованиям. В случае отказа можно будет обратиться в административный суд. Президент по-прежнему будет «предоставлять» гражданство по своему усмотрению», — Эва Седлецкая. («Газета wyborcza», 23 янв.)

- «Ежегодный рейтинг фонда «Наследие» и газеты «Уолл-стрит джорнал» (...) По уровню экономической свободы Польша заняла 64-е место среди 179 стран. Это на четыре места выше, чем в прошлом году, и на шесть — чем два года назад». («Жечпосполита», 13 янв.)

- «Фирма «ЭксонМобил» сообщила о разочаровывающих результатах разведки сланцевого газа в Польше. Речь идет о двух пробуренных в конце прошлого года скважинах, в которых оказалось так мало газа, что его промышленную добычу сочли нецелесообразной». («Жечпосполита», 2 февр.) «С таким же результатом в 2011 г. закончилась разведка компаний «3Legs Resources» и «BNK Petroleum». («Дзенник — Газета правна», 2 февр.)

- «Защитникам природы удалось добиться пересмотра экологической экспертизы по электростанции «Ополе» (...) Больше всего они протестуют против угольных электростанций, газ же одобряют как топливо, выделяющее меньше углекислого газа. Из-за неэкологичности угля они блокируют и оцениваемую в 12 млрд. злотых инвестицию Яна Кульчика в электростанцию «Север» (...) «Гринпис», в свою очередь, поддерживает коалицию «Развитию — да, карьерам — нет» (...) Между тем общество «Эко-Уния» начало кампанию против добычи сланцевого газа». (Магдалена Козмана, «Жечпосполита», 18 янв.)

- «Европейская комиссия подвергла сомнению законность строительства бурогоугольного карьера в Томиславицах (...) Карьер работает с сентября (...) Экологические организации направили в Еврокомиссию жалобу, и та сочла, что Польша

нарушает европейское законодательство». (Рафал Засунь, «Газета wyborcza», 27 янв.)

- «Польша планирует запустить первую атомную электростанцию (...) Министерство экономики получило 20 тыс. писем из Германии. Большинство из них призывает отказаться от атомных планов. Местные власти Берлина, Бранденбурга и Мекленбурга направили в Еврокомиссию жалобу на принятую польским правительством процедуру консультаций». («Газета wyborcza», 12 янв.)

- В рейтинге качества окружающей среды Environmental Performance Index (EPI), который каждые два года публикуют ученые Йельского и Колумбийского университетов, (...) Польша, занимавшая в 2010 г. 63-е место, теперь поднялась на 22-е. Меньше всего очков мы получили за водное хозяйство и влияние сельского хозяйства на окружающую среду (...) В важнейшей для человеческого здоровья категории чистоты воздуха лидирует Европа. На противоположном полюсе находится Южная Азия». («Газета wyborcza», 3 февр.)

- «Даже самые маленькие фирмы должны предоставлять данные, сколько лампочек или тонеров они использовали (...) Самозанятые предприниматели должны отчитываться за выхлопные газы автомобиля, если они берут на фирму счета-фактуры за топливо (...) Если же они отапливают помещение фирмы каким-либо топливом, то обязаны каждые полгода указывать в многостраничном отчете данные о выбросе газов в атмосферу (...) Если предприниматель импортирует продукт в упаковке, он должен представить отчет об оплате за ввезенную в страну упаковку. Еще больше формальностей связано с мусором (...) Штрафы составляют от 500 до 2000 злотых. Другие взыскания по-прежнему достигают 5000 злотых». (Зофья Юзвяк, «Жечпосполита», 26 янв.)

- В 1910 г. в Вешхлесе росло около 5,5 тыс. тисов. В 2005 г. было насчитано только 3253 дерева, в т.ч. 397 сухих. Самому старому из живых тисов более 600 лет. Самым молодым — около ста. Сеянцы тиса в заповеднике гибнут в возрасте двух-трех лет. Знаменитый тис в Генрикове близ Любани в Нижней Силезии, которому уже 1250 лет, — один из самых старых в Европе (тису в деревне Ллангерню в Северном Уэльсе — около 4000 лет). (По книге Гжегожа Рыся «Священная роща», «Жечпосполита», 3 февр.)

- «26-27 ноября 2011 г. в Киеве прошла 1-я Украинско-польская Заповедная школа Борейко-Войцеховского. В ней приняли участие 25 молодых специалистов, представителей Отрядов по

охране природы и других научных и природоохранных общественных организаций с Украины, из Польши и России. Школу организовали Киевский эколого-культурный центр и [общество] «Лаборатория на благо всех существ» [из Быстрой-Шлёнской]». («Дзике жиче», февраль)

• «“Позор, Украина!” — (...) скандировали вчера участники пикета против убийства на Украине бездомных собак в преддверии Евро-2012 (...) Перед украинским посольством собрались почти 50 человек из Общества опеки над животными и Фонда международного движения в защиту животных «Viva». Они держали транспаранты с фотографиями убитых собак и надписями: «Нас убили к Евро-2012» (...) Организаторы пикета хотели встретиться с послом и вручить ему петицию с подписями 20 тыс. человек (...) В конечном итоге петицию взял охранник (...) Организации по защите животных направили также петицию польскому правительству, призвав его повлиять на Киев». («Газета wyborча», 14-15 янв.)

• «Когда из громкоговорителей слышались звуки, которые журналистам и активистам удалось записать в крематории для животных в этом европейском государстве, трудно было удержаться от слез (...) За одну собаку платят 5 гривен, т.е. 2 злотых. В некоторые печи помещается целая тонна собак (...) Миколай Шульчевский из фонда «Viva» сообщил, что его организация располагает видео- и фотоматериалами, на которых видно, как жестоко утилизируют собак». (Иоанна Мюллер, «Котье sprawy», февраль)

• «Интерес к идеям солидарности и всеобщей свободы невероятно ослаб (...) Белоруссия находится в Европе (...) За Белоруссию отвечаем прежде всего мы. Достаточно ли мы, европейцы, заботимся о Белоруссии, Молдавии, Украине? Действительно ли мы поддерживаем правозащитников в странах Северной Африки?» — Рокко Буттильоне. («Жечпосполита», 21-22 янв.)

• «К китайскому посольству пришли около 30 живущих в Польше тибетцев. На земле они разложили надписи: «Тибет горит. 20 тибетцев подожгли себя. 13 из них погибли»». («Газета wyborча», 9 февр.)

• «Согласно опросу института «Prime Consulting» (...) только 1,8% жителей Литвы считают, что приоритетом внешней политики Вильнюса должно стать улучшение отношений с Польшей. 37% выступают за более тесное сотрудничество с Россией». («Жечпосполита», 24 янв.)

- «За 11 месяцев прошлого года торговый оборот между Польшей и Литвой был рекордно высоким и составил 11 млрд. литов (3,2 млрд. евро) (...) Польша — второй после Швеции иностранный инвестор в Литве. Мы инвестируем больше, чем Германия или Россия». («Жечпосполита», 27 янв.)

- «За 11 месяцев прошлого года польские фирмы продали в Россию товаров на сумму почти 5,7 млрд. евро — на 23,8% больше, чем за тот же период 2010 года. В то же самое время наш экспорт в страны Евросоюза вырос на 11,4%, а в страны еврозоны — только на 9,9%». («Дзенник — Газета правна», 24 янв.)

- «Со времен краха коммунизма присутствие российского бизнеса на берегах Вислы всегда вызывало серьезные споры (...) Имиджу российских фирм вредит непрозрачность их деятельности. Несколько месяцев назад двое евродепутатов от «Гражданской платформы» сообщили, ссылаясь на свои источники в Еврокомиссии, что российский капитал стоит за 21% концессий на разведку газа в Польше». («Жечпосполита», 3-5 февр.)

- «Более 3,5 млн. злотых получит мусульманская община на строительство культурного центра в Крушинянах. Дотацию выделили власти Подлясского воеводства. Общая стоимость инвестиции — 5,4 млн. злотых». («Пшеглэнд православный», январь)

- 55% опрошенных ЦИМО считают, что конфликт между исламом и западной культурой неизбежен. Только 20,5% выбрали альтернативный вариант ответа: компромисс возможен. Начиная с 2007 г. доля непримиримых противников ислама выросла в Польше более чем на 30%. Около 42% респондентов были бы против брака своих детей с арабским или мусульманским партнером. Это почти на 12% больше, чем число противников брака с еврейским партнером. («Газета wyborча», 20 янв.)

- «Польские военные сотрудничают с афганскими, и у них еще не было таких проблем [смертельных столкновений, как у французов]. «Мы делаем совместно практически всё. Вместе ловим бунтовщиков и опасных террористов, обыскиваем дома, машины и людей. Организуем также совместные патрули», — говорит майор Юлита Мировская (...) И добавляет, что большинство из 2,5 тыс. афганских полицейских и 4 тыс. солдат в Газни было обучено польскими военными (...) «Наши солдаты еще никогда не упоминали о проблеме недоверия к афганским солдатам и полицейским. Они живут на одной базе и

практически все время находятся вместе (...) Совместные боевые действия укрепляют взаимное доверие, — объясняет офицер, служивший в Афганистане. Однако, по его мнению, проблемой остается дезертирство. — Часть обученных нами людей убегает»». (Яцек Пшибыльский, «Жечпосполита», 21-22 янв.)

• «Польша (...) не гарантировала Израилю, что на Генеральной Ассамблее ООН она проголосует против признания независимости Палестины. В то же время она обещала (...) не поддерживать резолюций, угрожающих безопасности Израиля. В Польше по-прежнему существует понимание того (...) что Израиль имеет право на защиту. Что касается приема Палестины в ЮНЕСКО — первую серьезную международную организацию, в которой ей предоставили членство, — то наша страна воздержалась от голосования». (Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 14-15 янв.)

• «Министр иностранных дел Израиля Авигдор Либерман (...) прибыл в Варшаву, чтобы убедить поляков поддержать новые санкции против Ирана (...) Либерман подчеркнул, что наряду с Чехией, Голландией и Германией Польша — ближайший европейский союзник еврейского государства». («Жечпосполита», 17 янв.)

• «Во время войны погибло около 3,3 миллионов евреев. Мы знаем, сколько их было до войны, сколько уцелело, сколько умерло в лагерях и гетто. Не хватает лишь информации приблизительно о 300 тысячах. По оценкам некоторых историков, эти 300 тысяч погибли, скрываясь. На них доносили, их убивали — поляки, украинцы, литовцы. Существует довольно большая группа людей, спасшихся благодаря полякам, но есть и другая немалая группа — в нее входят те, кто погиб от рук поляков. Это вопрос не оценки, а знания фактов», — проф. Павел Спек. («Впрост», 9-15 янв.)

• Мариан Солтысяк (подпольная кличка Барабаш, т.е. Варава) — «одна из легенд партизанского движения в Келецком воеводстве. На основании статьи Алины Скибинской и Иоанны Токарской-Бакир «Варава и евреи», опубликованной в ежегодном журнале «Катастрофа евреев», журналистка Зузанна Радзик привела факты убийства по приказу Солтысяка евреев и прятавших их поляков (...) В 1951 г. Барабаш и его подчиненные были приговорены к лишению свободы. Он — к семи годам; освобожден в 1954 м. В 90 е годы приговоры были пересмотрены, а Барабаш и его люди — признаны невиновными». (Януш Кендрацкий, Кшиштоф Лаква, «Газета wyborcza», 1 февр.)

• Фильм Агнешки Холланд «В темноте», главную роль в котором сыграл Роберт Венцкевич, выдвинут на премию «Оскар». Из интервью с Робертом Венцкевичем: «Петр Найштуб: «Два года назад, когда снимали «В темноте», Катастрофа, польский антисемитизм, отношение поляков к евреям во время [и после] войны благодаря книгам Яна Гросса уже несколько лет были горячо обсуждаемыми темами. Сознал ли ты, начиная сниматься, что попал в самый центр жаркого спора?» Роберт Венцкевич: «Для меня Едвабне стало шоком. Поначалу мне было трудно с этим смириться. Я думал: как же так, ведь меня воспитали в уверенности, что мы были героями, что всё было замечательно. Оказывается, не всё»». («Впрост», 6–12 февр.)

• «В конце августа 2011 г. (...) у стен средневекового замка группа актеров сыграла спектакль «Процесс Барбары Здунк», поставленный по мотивам одной из самых темных страниц истории города Решеля: 200 лет назад здесь сожгли на костре пастушку, обвиненную в поджоге (...) Посмотреть спектакль пришли 2 тыс. зрителей, привлеченных слухами, что перед замком сожгут женщину (...) Приехали съемочные группы трех телеканалов (...) В финале был зажжен костер, из динамиков слышались крики умирающей женщины (...) Зрители испытали некоторое разочарование. Кое-кто говорил, что в конце не хватило более мощного аккорда». (Михал Ольшевский, «Тыгодник повсехный», 22 янв.)

• «В октябре 2011 г. в деревне Гожухово (Гнезненская епархия) представители местных властей, общественности и молодежи почтили память десяти женщин, в т.ч. двух девочек, сожженных на костре 30 сентября 1761 года (...) На месте казни вновь зажгли костер, установили крест, информационную табличку и десять памятных камней, два из которых меньше остальных», — свящ. Бартек Раевский. («Тыгодник повсехный», 5 февр.)

• «Суд признал певицу Доду виновной в оскорблении религиозных чувств читателей интервью, в котором она сказала, что «больше верит в динозавров, чем в Библию», и что «трудно верить в писанину людей, наклепавшихся вина и кутивших какую-то непонятную траву». Если приговор вступит в законную силу, Доде придется заплатить 5 тыс. злотых штрафа — приблизительно столько, сколько она тратит на покупку сумочки». («Тыгодник повсехный», 29 янв.)

• «По мнению Польского совета христиан и евреев (...) «элементарное условие сосуществования в плюралистическом обществе — взаимоуважение различных групп. То, что для одних священно или представляет высшую ценность, не

должно подвергаться агрессии, презрению и ненависти со стороны других»», — о. проф. Анджей Драгула. («Газета wyborча», 4-5 февр.)

- «Варшавский окружной суд приговорил 89-летнего Ежи Р. к восьми годам лишения свободы за коммунистические преступления». («Жечпосполита», 10 февр.)

- «Вчера Варшавский окружной суд вынес приговор генералу Чеславу Кищаку за подготовку и введение военного положения. Бывших руководителей ПНР суд охарактеризовал как «организованную преступную группировку», которую возглавлял генерал Войцех Ярузельский (...) Если бы Ярузельский не был освобожден от участия в процессе по состоянию здоровья, ему тоже был бы вынесен обвинительный приговор (...) Бывшего министра внутренних дел генерала Чеслава Кищака суд приговорил к четырем годам лишения свободы, которые по амнистии были заменены двумя годами условно». («Жечпосполита», 13 янв.)

- «Теперь, спустя 20 лет (...) Виктор Орбан — уже совсем другой человек: консерватор с авторитарными замашками [а начинал он как молодой либерал, студент, который вместе с товарищами по общежитию основал «Фидес» — Альянс молодых демократов]. Он хочет быть вождем нации (...) Почему же премьер Туск поддержал Орбана? (...) Слова премьер-министра Польши, заявившего, что Европа оценивает Орбана слишком сурово, и обещавшего его поддержать, кажутся мне голом в свои ворота...» — Кшиштоф Варга. («Газета wyborча», 21-22 янв.)

- Согласно опросу ЦИОМа, президенту Брониславу Коморовскому доверяет 71% поляков. Второе место занимает вице-премьер Вальдемар Павляк (52%), а третье — министр иностранных дел Радослав Сикорский (51%). Премьер-министру Дональду Туску доверяют 49% опрошенных (в октябре эта цифра составляла 55%). Самое большое недоверие по-прежнему вызывает Ярослав Качинский (55%). Поляки не доверяют также Збигневу Зебро (40%), Янушу Паликоте (39%), Эве Копач (34%) и Дональду Туску (32%). («Жечпосполита», 26 янв.)

- Согласно опросу TNS ЦИМО, проведенному 2-6 февраля, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 28% поляков (-9%), «Право и справедливость» (ПиС) — 26% (+4%), Движение Паликота — 10% (+2%), Союз демократических левых сил (СДЛС) — 9% (+3%), крестьянскую партию ПСЛ — 5%

(+1%). Затруднились с ответом 18% (без изменений). («Газета выборча», 10 февр.)

• «С востока по-прежнему поступает очень холодный воздух (...) Во всей Европе замерзают [на смерть] люди (...) В течение недели в Польше замерзли 37 человек». («Газета выборча», 4-5 февр.)

• «За последние сутки в Польше умерли от переохлаждения девять человек (...) В основном это бездомные. Полиция призывает их приходить в ночлежки и просит граждан сообщать о беседках и садовых участках, где они прячутся». («Жечпосполита», 3 февр.)

• «В последние дни во все ночлежки и приюты поступает очень много сигналов о замерзающих бездомных или о брошенных кошках и собаках. Кошкам достаточно открыть подвал или окно в котельную. Собаки требуют более серьезной опеки». (Наталья Бет, Изабелла Край, «Жечпосполита», 3 февр.)

• «Бездомные животные должны справляться сами. А если зима для них слишком суровая (...) значит, надо их усыплять», — президент (мэр) Сталёвой-Воли Анджей Шлензак. («Газета выборча», 8 февр.)

• «Мама, я тебе скажу что-то очень важное: сначала идет земля, потом небо, потом такой большой-большой космос, а дальше — неизвестно что. И мне очень интересно, что там в этом «неизвестно чем». А на земле всё известно, но на самом деле тоже ничего не известно — это просто люди думают, что всё знают», — Ханна Лабендзкая, 5 лет. («Тыгодник повсехный», 5 февр.)

ТРЕТЬЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — РЕЦЕПТ ПРОТИВ КРИЗИСА

— Как себя чувствует ваша европейская мечта?

— Мечта чувствует себя превосходно. Другое дело — ее осуществление.

— Почему?

— Чтобы защитить свою большую мечту, Европа должна выдвинуть новый большой проект.

— Новую интеграцию?

— Но не такую, о какой говорится в последнее время. Политическая интеграция важна. Налоговая и бюджетная синхронизация тоже важна. Но это только ответ на вопрос: как? А ключевой вопрос: что? Что послужит маховиком благополучного будущего Европы.

— Так что же?

— Евросоюз борется за финансовую стабильность. Таково требование текущего момента. Потому что финансовые рынки перестали доверять Европе. Они говорят: у вас слишком много долгов, мы не верим, что вы их выплатите, государства по-прежнему слишком много тратят по сравнению со своими доходами. Рынки хотят бережливости, урезаний, сокращения пропорции долга к ВВП. Политики выслушивают, чего от них ждут, и урезают расходы — особенно в странах, наиболее обремененных долгами. Но тогда рынки говорят: подождите-ка, подождите. Может быть, сейчас вы тратите немного меньше, но одновременно подавляете свой экономический рост в будущем. Как же вы уплатите долги, если не будете быстро развиваться? А особенно, если вы вгоните себя в застой или в устойчивую рецессию, порожденную урезаниями.

— Отсюда возникают идеи поменьше урезать, а побольше печатать денег, например разрешая Европейскому центральному банку (ЕЦБ) практически неограниченно скупать долги государств зоны евро?

— Это сиюминутная техника гашения кризиса. Помощь Евробанка нужна. Ограничение расточительных расходов — тоже. Но, чтобы защитить уровень жизни европейцев, а также европейскую социальную модель — иными словами, то достояние интеграции, на которое мир по-прежнему продолжает смотреть с восхищением и завистью, — необходимо по-новому увидеть европейский проект.

— **Федерация?**

— Это политически верно. Но необходим и иной подход — цивилизационный, технологический, экономический.

— **Новая европейская мечта?**

— Понимание необходимости. Европа — это курица, несущая золотые яйца. Благодаря сотрудничеству, сплоченности и интеграции. Сам Евросоюз, 27 стран, — это более 500 млн. зажиточных потребителей. Вместе с ближайшим окружением на востоке и юге вас около миллиарда. Самый большой потребительский рынок в мире. Но этот рынок задыхается. С того момента, когда разразился кризис, он несколько раз порывался взлететь и падал. Видно, как что-то его тормозит.

— **Долги?**

— Это симптом. Причина состоит в ценах на энергию. Запад, маховик мировой экономики, проседает из-за цен на энергию. В течение последних четырех лет мы видим повторяющиеся циклы взлетов и падений конъюнктуры. При ценах нефти на уровне нескольких десятков долларов {за баррель} двигатель западной экономики начинает раскручиваться. Когда он разгонится, цены на нефть резко возрастают, а когда цены превышают 150 долл. за баррель, экономика тормозит. Производство останавливается, потребители перестают покупать, спрос на энергию уменьшается, а цены на нефть падают. Как только они упадут ниже 100 долл., экономика снова движется вперед. Но ненадолго, так как ее рост опять упирается в растущую цену нефти. Это нечто вроде стеклянного потолка, делающего невозможным возвращение к тому росту, который мы наблюдали в 90-е годы.

— **Тогда подобный потолок нас не сдерживал.**

— Потому что на протяжении этих двух десятилетий сотни миллионов людей — в Китае, Индии, Латинской Америке, Африке — присоединились к миру западной цивилизации, основанной на растущем потреблении энергии, которая

берется из угля, газа и нефти. Эти источники ограничены. Если Запад хочет вернуться на путь быстрого развития, погасить долги и защитить свой уровень жизни, он должен помериться с вызовом Третьей промышленной революции.

— **Иными словами?**

— В чем состояли две предшествующие революции? Во взаимодействии новых технологий связи с новыми источниками энергии. Первая промышленная революция, происходившая в XIX веке, опиралась на технику массовой печати и на экономику, которая приводилась в движение углем и паром. Вторая, в XX веке, — на распространение электрических инструментов связи, от телефона до радио и телевидения, и на двигатель внутреннего сгорания. Третья началась вместе с цифровой связью. Интернет изменил мир, ожидания людей, темп и масштабы перемещения информации. Но источники энергии остались те же самые. Это по-прежнему уголь, газ, нефть. Весь мир стремительно уподобляется Западу, но тех источников энергии, на которых ранее основывалось наше развитие, для всех не хватит. Для нескольких сотен миллионов их хватало. Для нескольких миллиардов — нет.

— **К сожалению.**

— Если бы половина людей в мире начала потреблять столько же энергии из традиционных источников, сколько потребляет Запад, мы имели бы экологическую катастрофу глобального масштаба. Сущность сегодняшнего кризиса такова, что миру уже сегодня не хватает энергии. Пока мы не справимся с этой несбалансированностью, нам не выйти из кризиса.

— **Новый договор о союзе не поможет?**

— Он только определит принципы искусственного поддержания в живых тех государств, экономик и отраслей, которые продолжают оставаться на этапе Второй революции, тогда как надо уже внедрять Третью. На наших глазах парадигма Второй революции умирает. Весь тот массовый порядок, который она создала, уходит.

— **С какого момента?**

— Это можно установить довольно-таки точно. В апреле 2007 г. цена нефти достигла 147 долл. за баррель. Когда это произошло, рынок замер. Не только рынок нефти. При такой цене на нефть все цены по полной цепочке поставок достигли уровня,

неприемлемого для массовых покупателей. Это и стало подлинным началом кризиса. Надлом и срыв финансового рынка, случившийся несколько месяцев спустя, был вторичным потрясением. Почему до этого дошло? В значительной степени потому, что рынки утратили оптимизм, необходимый для развития. А по какой причине они его утратили? Ответом может быть превышение второго нефтяного пика. Первый мы превысили в 1978 г., когда добыча нефти на одного жителя Земли достигла исторического максимума. С этой минуты общемировые поставки нефти растут пропорционально медленнее, чем численность населения. Что касается второго пика — мировой добычи нефти, рассчитываемой в абсолютных показателях, — здесь продолжается спор между экспертами. Одни считают, что мы достигнем его в 2030-е годы, другие — что это произойдет еще в нынешнем десятилетии. Но новейший «Международный отчет об энергии» показывает, что, скорее всего, мы достигли его уже в 2006 г., незадолго до ценового шока, который стал детонатором кризиса. Рынки интуитивно уловили этот момент {и отразили его} не только в цене нефти, но и в прогнозах для всей мировой экономики. С этого момента экономика раз за разом порывается взлететь, но отскакивает от стеклянного потолка цен на нефть и падает.

— Есть еще газ и уголь.

— Энергия из угля дорога и экологически вредна. А производство газа недостаточно, и при ценах, дающих шанс на экономическое развитие, оно не догонит спроса.

— Иначе говоря, конец мечтаний.

— Или начало новых. Европа привела мир в реальную действительность Первой и Второй промышленных революций. И извлекла из этого гигантскую выгоду. Почему бы этому не повториться и на сей раз?

— Возможно, потому что мы не знаем, каким способом это сделать.

— Знаем. Как Первая революция опутала Европу инфраструктурой железных дорог, а Вторая — сетью шоссе и кабелей, так Третья должна создать сеть, напоминающую интернет и связывающую между собой миллионы малых источников возобновляемой электрической энергии.

— Как это могло бы, по вашему мнению, выглядеть?

— Уже не только по моему. Неделю назад ЮНИДО — ведомство ООН по делам промышленного развития — приняло модель Третьей промышленной революции. В 2007 г. ее принял Европейский парламент. Лично канцлеру Ангеле Меркель принадлежит решение о внедрении этой программы в Германии. Третья революция уже идет. Только она продвигается чересчур медленно. Интернет — новое средство коммуникации — охватил большинство человечества, создавая новые мощные силы, которые основаны на интегрированных возможностях миллионов участников. Необходимо перенести эту логику на энергетику. Необходимо распрощаться с крупными поставщиками энергии, основанной на угле, нефти, уране, которые действуют в логике массовой эпохи, созданной Второй революцией. Третья революция — это мириады малых источников энергии от ветра, солнца, воды, геотермии, тепловых насосов, биомассы. Каждая страна мира может благодаря ним стать энергетически самодостаточной, если эти распыленные источники окажутся связанными между собой и будут взаимно дополняться в пределах континентальных сетей.

— Это займет многие десятилетия.

— Европа через девять лет должна получать 20% электричества из возобновляемых источников. Германия уже достигла этой цели. В 2020 г. она будет иметь 35% зеленой энергии. И там уже делают второй шаг. Инвестируют в сеть, предоставляющую малым производителям возможности обмениваться энергией. В Евросоюзе стоит 191 млн. зданий. Каждое из них может стать маленькой электростанцией, черпающей энергию из крыш, стен, мусора.

— Это бы стоило целое состояние.

— Оно и будет стоить целое состояние. Точно так же, как строительство шахт, металлургических заводов и железнодорожных линий в XIX в. либо автострад, разнообразных энергетических линий и компьютерных сетей в XX в. Это даст миллионы рабочих мест, постепенно обеспечивая независимость Евросоюза от импортируемых энергоносителей. Канцлер Меркель уже внедряет эту программу в Германии. Тысячи зданий переделаны там таким образом, что они производят энергию для своих потребностей, а излишки отдают в сеть. Благодаря этому возникли тысячи новых рабочих мест, а предприятия располагают доступом к дешевой энергии и тем самым становятся более конкурентоспособными. Германия делает также и третий шаг — инвестирует полмиллиарда евро в технологию водородных

топливных элементов, чтобы постепенно разместить их во всех зданиях и собирать в них электроэнергию от возобновляемых источников. Потому что солнце не всегда светит, ветер не всегда дует, тепловые насосы не всегда обладают одинаковой производительностью. Подобный подход меняет парадигму всего экономического строя в целом.

— **Сколько времени это продлится?**

— Несколько десятков лет. Но уже спустя немногие годы вы сумеете увидеть разницу на немецких улицах. Через год «Даймлер» начнет массовое производство «зеленых» автомобилей с аккумуляторной батареей из водородных элементов, которые без подзарядки смогут проезжать 750 км. На улицах появятся пункты их зарядки. «Сименс» и «Бош» тоже вовлечены в подобные работы. Это часть национальной программы, которая приведет к тому, что через 20 лет Германия явится первой страной, осуществившей Третью промышленную революцию. Но это еще не будет истинным переломом.

— **Почему?**

— Потому что Европа восстановит свое положение, лишь когда она как континент и как экономическое сообщество вся пройдет через эту революцию. Когда дома в Испании, производящие днем избыточное количество энергии, смогут обмениваться ею с домами в Скандинавии, которая производит на своих гидроэлектростанциях слишком много электроэнергии ночью. Два поколения европейцев будут иметь работу вокруг всего этого.

— **Откуда взять на это деньги, коль скоро Европа уже теперь тонет в долгах?**

— Но всё время продолжает инвестировать. Евросоюз осуществляет крупные инфраструктурные программы. Каждая страна и почти каждый город планирует такие инвестиции. Важно делать капиталовложения в то, у чего есть будущее, а не в поддержание жизни таких инфраструктур, технологий, отраслей или систем, которые обречены на вымирание. Это касается также частного сектора и банков. В Германии банки дают малым фирмам ссуды по 30 тыс. евро, чтобы те превратили свою крышу в электростанцию. Потому что знают, что эти средства быстро вернутся. В Польше тоже есть много мелких фирм, которые оплачивают большие счета за электричество. «Зеленая» энергия может уменьшить их издержки и увеличить конкурентоспособность. Особенно

теперь, когда цены на электроэнергию будут быстро расти ввиду оплат, связанных с защитой окружающей среды. Кто хочет развиваться и быть глобально конкурентоспособным в XXI веке, должен перестроиться на новые источники энергии. Кто этого не сделает, того убьют цены на традиционные виды топлива и оплаты за эмиссию углекислого газа. Для Европы это большой шанс.

— Именно для Европы?

— Потому что Европа может стать первым континентом, который пройдет через эту революцию. Сделается независимым от дорогих энергоносителей и станет обладателем проверенных на практике технологий, которые другим придется покупать у европейцев. Точно так же, как это было в случае двух предыдущих промышленных революций. На сей раз Польша тоже может оказаться в авангарде.

— Пока что мы собираемся строить атомную электростанцию.

— О, Боже... Это же прошлое, которое пробует вернуться под предлогом меньшей вредности для окружающей среды. Но оно лишено всякого смысла. Не без причины Германия закрывает свои АЭС, а «Сименс» отказывается от развития данной технологии. В мире существует 400 атомных электростанций. Все вместе они генерируют 6% электроэнергии, производимой на планете. Если бы мы захотели в течение 20 лет увеличить их отдачу до уровня 20% мирового производства электроэнергии, понадобилось бы построить 600 новых электростанций. На протяжении 20 лет было бы необходимо открывать одну АЭС чуть не каждую неделю. Это невозможно, мир не располагает такими производственными мощностями. Во-вторых, мы по-прежнему не знаем, как поступать с отходами. Уже сегодня их хранение стоит миллиарды долларов, и никто не знает, что делать дальше. В третьих, по данным МАГАТЭ, даже при сегодняшнем количестве АЭС между 2035 и 2045 г. в мире начнет не хватать урана. В четвертых, французские электростанции умеют перерабатывать уран в плутоний. Но я сомневаюсь, имеет ли смысл производство плутония в эпоху терроризма и насколько оно безопасно. А есть же еще проблема огромного количества воды, в которой нуждаются эти электростанции. Обладает ли Польша избытком воды? Потому-то Германия отказалась от такой технологии и пошла вперед. Не понимаю, зачем Польше понадобилось отступить и возвращаться к технологиям и путям развития, принадлежащим XX веку, когда у нее под боком хороший

немецкий пример обращения к технологиям и системам, которые согласуются с логикой XXI века.

— **Польша не такая богатая, как Германия.**

— Тем более вы не должны впустую тратить деньги и время на технологии и системы, клонящиеся к закату. Кто не замечает изменений, тот платит за это втридорога. Музыкальные фирмы не оценили того изменения, которое создал интернет. И не успели они оглянуться, как миллионы молодых людей вместо того, чтобы покупать чудовищно дорогие диски, начали обмениваться музыкой между собой. Издатели печатной прессы не оценили мощь блогосферы и тоже платят за это грандиозные деньги. Однако это их частная проблема. Кто-то заработает на их упадке. Но зачем государству вбивать миллиарды евро в проект, которому суждено разделить судьбу больших музыкальных фирм либо газет? С помощью государства или без нее, но и в Польше тоже возникнет энергетический интернет. Люди создадут его, так как это окупается и отвечает культуре молодого поколения, которое выросло в мире, руководствующемся логикой интернета. Однако без поддержки правительства это займет больше времени. И чем дальше вы будете отставать от немцев или голландцев, тем больше поплатитесь за свое неразумие. Тем медленнее вы будете развиваться и тем менее конкурентоспособной будет ваша экономика в Европе и в мире Третьей революции.

— **Вы действительно верите, что она совершится в Европе?**

— Уже совершается. Не без оснований Европейская комиссия требует, чтобы каждый производитель энергии имел гарантированный государственными регуляторами равный доступ к электрической сети. Крупные производители пока еще доминируют, но им всё труднее справляться с конкуренцией несметного множества малых поставщиков. Поэтому они пытаются блокировать идущую революцию. Это может продлиться несколько десятков лет, но изменение неизбежно. Цены на разные виды топлива, а также климатические налоги приведут к тому, что большие электростанции утратят конкурентоспособность. Особенно с учетом того, что при сегодняшней модели они теряют 20% энергии в процессе ее транспортировки, а «зеленая» энергия будет использоваться прежде всего на местах и становиться всё дешевле по мере того, как ее производство станет широко распространяться. Самые крупные производители понимают, что их эпоха кончается.

— **Они никогда на это не согласятся.**

— Вы очень сильно ошибаетесь. Я с ними разговариваю. Немецкие концерны уже готовятся к такой эволюции, через которую с успехом прошел концерн ИБМ, который из производителя персональных компьютеров, всё хуже справлявшегося с конкурентами, стал мощной, процветающей консалтинговой корпорацией, которая дает рекомендации, какими путями использовать информатизацию на предприятиях. Энергетические фирмы из производителей электричества станут фирмами, управляющими энергией на стыке миллионов потребителей и производителей.

— Вы верите, что в Европе тогда станет лучше жить?

— Не только я. Председатель Европейской комиссии Жозе Баррозу верит в это. Хосе Луис Сапатеро, недавний премьер-министр Испании, верит в это. Ангела Меркель верит в это. Прежде чем официально стать канцлером, Меркель пригласила меня, чтобы спросить, как в XXI в. обеспечить Германии и немцам рабочие места. А когда она вступила в должность, мы устроили в Берлине как частные, так и публичные дебаты на тему Третьей революции. Г-жа Меркель проводит ее в наиболее индустриализированном государстве мира, которое к тому же сильнее всего нацелено на конкурентный экспорт. И внедряет эту революцию при поддержке немецкого бизнеса.

— Что ее убедило?

— Очевидность. В экономике немцы не склонны к романтическим воспарениям. Они действуют прагматически. Видят, что старая парадигма промышленного государства кончается, а значит, надо принимать новую. И знают, что за ними пойдут другие. Потому что нет иной модели развития, которая в длительной перспективе позволит восстановить положение Европы.

Беседу вел Яцек Жаковский

Джереми Рифкин — американский экономист и политолог, учредитель и президент Фонда экономических трендов. Был советником, в частности, Ангелы Меркель, Романо Проди и Хосе Луиса Сапатеро, сотрудничал с французским правительством, Европейской комиссией, Европейским парламентом. Автор многих книг, в числе которых «Конец труда» и «Европейская мечта». Еженедельник «Тайм» назвал его «человеком, которого больше всех ненавидят в мире науки».

СОХРАНИТЬ ЛИЦО

Лирическое творчество Чеслава Янчарского (1911–1971) сводится к нескольким тонким книжицам — трем довоенным и четырем изданным после войны. Он известен и переиздается прежде всего как автор, писавший для детей. В то же время это один из интереснейших польских поэтов XX века, незаслуженно забытых отечественными литературоведами.

Янчарский дебютировал в 1933 г. книжкой стихов «Акварелью», предвещавшей осознанно регионалистскую стратегию творчества. В открывшем сборник стихотворении «Будь у меня талант художника» молодой поэт, родившийся на Волыни, декларировал верность родным пейзажам, от которой и впредь никогда не отступался:

Будь у меня талант художника,
Если б владел я кистью бегло,
Тогда писал бы я пейзажи
Волынские — их нет прекрасней.

Не стоит искать в наследии Янчарского тексты общественно-политического характера. Его «Поэтическая Волынь» — это прежде всего красочный образ повседневности тех мест, сквозь который проступает восхищение красотой края детских лет. Через три года после дебюта учившийся тогда в Варшаве поэт стал инициатором поэтической группы «Волынь»; в библиотеке группы вышла третья книга стихов ее основателя — «Синий платок».

В довоенных стихах Янчарского преобладает поэтика наивной экспрессии, не имеющая ничего общего со стилизаторским упрощением. Он осознанно занял позицию вдумчивого наблюдателя окружающей действительности, описывающего и в то же время сопереживающего, а глубокое убеждение в самодостаточной ценности волынских образов помогало поэту избежать оценочной градации. У Янчарского существенно буквально всё, внимания достойна каждая крупинка бытия — каждую ему хочется запечатлеть: «людей и хлеб их,/ И хаты белые, вишнёвые сады,/ И псов цепных лохматых» («Будь у меня талант художника»), а уверенность в бедности языка

лишь усиливает «воображение зрения», позволяя конкретизировать неизреченное.

Война застала поэта в Варшаве. В сентябре 1939-го он отправился в Грушвицу, в родной дом, однако уже вскоре ему пришлось оттуда эвакуироваться. Разлука с родной стороной, образ которой был для него столь вдохновляющим, осталась не транспонированной на литературную почву. Теперь Янчарский писал прежде всего для детей (в этой роли он дебютировал еще до войны на страницах журнала для малышей «Солнышко»), скоро став чуть ли не самым читаемым польским детским поэтом. Его произведения для детей, издававшиеся в Польше и переводившиеся на иностранные языки, обретали множество читателей в каждом новом поколении.

Первый послевоенный сборник лирики Янчарского («Контур листа», 1957) отделяют от последней довоенной публикации почти два десятилетия. Чтобы понять причину этого многолетнего молчания, не надо быть литературоведом. Для поэта, который возвел принадлежность к волынской земле в поэтическую программу, невозможность хотя бы литературного возвращения в покинутый край детства требовала изменения поэтической стратегии. Поэты, которых он собрал в эфемерной, впрочем, группе «Волынь» (те из них, кто пережил войну), испытывали такой же душевный разлад. Один (Вацлав Иванюк) покинул Польшу, другой (Владислав Мильчарек) сдал в 1949 г. удостоверение члена Союза польских писателей, мотивируя свое решение тем, что в сложившихся условиях не может заниматься литературой. А Чеслав Янчарский сосредоточился на творчестве для детей.

Даже самые близкие люди не всё знали о его довоенной жизни. Он берег своих детей от «опасного знания» о своем шляхетско-дворянском происхождении и волынско-поэтическом творчестве. В самые трудные для польской литературы годы он сохранил лицо, делясь с юным читателем своей огромной отзывчивостью и вниманием к мельчайшим подробностям этого мира.

Послевоенная лирика Янчарского, по понятным причинам, лишена регионально-украинских акцентов. Однако неизменной осталась восприимчивость к природе, которая с самых ранних текстов была отличительной чертой его поэтики. Более того, несмотря на отсутствие географической конкретности, стихи эти безошибочно ведут читателя в пространство первых впечатлений, первого познания реальности:

На мои деревья далёкие
на стёршийся след на дороге
на дни те на солнце блёклое
сел мотылёк
чёрный с белой каёмкой флажок
И словно я вновь возвращаюсь домой
с горящими глазами
с сердцем бегущим передо мной
опережая память
Найду ли в лесу дорогу
к знакомому муравейнику
а может нет уже леса
может там камни растут
Встречу ль лицо знакомое
растение ров придорожный
дерево хоть одно
зашумит ли как встарь
(«Возвращение к далёким деревьям» из книги
«Кувшин и исток», 1960)

Кроме того в послевоенном творчестве Янчарского всё больше попыток сохранить память не только о местах, но и о лицах. Попыток не навязчивых, не буквальных, но тем более трогательных и с легкостью узнаваемых. Возможно, первым «литературным портретом» стал текст, посвященный памяти Зузанны Гинчанки, выдающейся поэтессы из Ровно, убитой в Кракове в 1944 году. Упорному стремлению запечатлеть память о тех, кто навсегда остался в пространстве мира его детства, уничтоженного войной и послевоенными событиями, мы обязаны появлением последней поэтической книги Янчарского — «Портрет из веток и трав» (1970). Тонкие портреты, «сохраненные лица», с трогательной ностальгией запечатленные поэтом, который сохранил после войны

собственное лицо за счет сокращения лирической территории, складываются в сакральный узор, своего рода царские врата между жизнью и смертью. Между памятью и забвением.

Чеслав Янчарский

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Возвращение к далёким деревьям

На мои деревья далёкие
на стёршийся след на дороге
на дни те на солнце блёклое
сел мотылёк
чёрный с белой каёмкой флажок
И словно я вновь возвращаюсь домой
с горящими глазами
с сердцем бегущим передо мной
опережая память
Найду ли в лесу дорогу
к знакомому муравейнику
а может нет уже леса
может там камни растут
Встречу ль лицо знакомое
растение ров придорожный
дерево хоть одно
зашумит ли как встарь
А место где я впервые
увидел звёзды и где
впервые тревогу как камень
швырнул во тьму беззаботно —
разве то же самое место

если там меня больше нет
закрыв лицо руками
я снова пойду туда
к своим полустёртым следам
к тем дням к блёклому солнцу
Хватит ли мне отваги
ладони отнять от лица
ах ещё затрепещет
чёрный с белой каёмкой флажок

На каникулах

Пригорок поднялся в громыханье телеги
и тотчас упал
и в долине умолк
под лиловым маревом смолк
и только мелкие пташки на ёлке
лузгали щебет
паук длинноногим испуганным пугалом
взбежал на кротовью кочку
застыл
и исчез
Прямо в глаза мне
прямо в объятья
шёл безмятежный покой
Чтоб его не спугнуть
я стал тих не приметен
а розовый куст превратил

в облачко полевое
И тотчас не стало покоя
Облако было исчёркано
вороньего карканья
крапом чёрным

Недобрый вечер

Низкорослые сосны со всех сторон
и небес ручеек журчащий
а над зигзагами — месяц-тромбон
странствующего трубача
Из-за ветвей за нами следят
мрачные очи ночи
они не ведают хоть и глядят
чем всё это кончится
Лес — будто тёмный вагон
несёт нас куда-то по рельсам
сноп света — бледный нагой —
повис на буфере клейком
И вагон вдруг резко свернул
в ночь без глаз без путей — делать нечего
надо в забвение окунуть
надо в забвение окунуть
свет этого вечера

По дороге

Намело сугробов пушистых шапок
всю ночь за окном кружили

белые совы снега
а тут искры да треск ольховых щепок
тень коленок твоих
милосердье ночлега
ржавый ястреб падёт на рассвете на лес
под небом свисающим
с заячьих лап и ушей
и я обернусь на оконных стёкол блеск
на дым из трубы
на белый тулупчик чей-то

Я не один

Когда сосновые медные ветви зноя
нависают тяжёлые и золотые
когда я сгибаюсь
как будто тащу
вёдра полные до краёв
я не один
Я не успел подойти на шаг
муравей наткнувшись на ногу мою
отпрянул — и был таков
щавель и мята
зашелестели тенью прохладной
куст орешника небо сквозь листья просеял
око воды проглянуло из трав
В голосе кукушки
в улитке ползущей

в большом золотом глазу зная
в дрожи пятен его — здесь я
в панике муравьиной
согбенный под тяжестью бытия
я не один

Город детства

Памяти Зузанны Гинчанки

Он уже вырос из школьной формы
наш город слишком недолгий
может он слишком быстро
бежал по улице

Я не успел даже коснуться ладонью
ветки малины

Здесь в мятном проулке
за складом аптечным
ходит чёрная дама
в красных перчатках
из мрака и луж выпирают
кошачьи лбы кентавров
рыбы сбежали в небо
от танго милонга

А твоё окно
было прорублено в небе
когда лопнули стёкла
на туче осталась
малиновая полоса

Сбор кмина

Небо в листьях лопуха
посерело возле штакетин
нанесло этой пыли из шпакова глинка
из тынного и омелян
с вершины пятигор
А тот грушвицкий
липкий как мёд из тимьяна
тенью ползёт по хмелю
под балдахин кмина
Вышли бабы
уже в передниках небо несут
а младшая михальчуков
срывает скворца с косынки
там где немой михалко
ывалявшись в маке
считает берёзы хвостов коровьих
слюнявит пальцы
Воздух такой тихий
порой загудит шмелём
ничей — ведь он не засеян
не разделён межами
Хоть бедный
но с ведома предков
безнаказанно пахнет
пахнет целой избой кмина

Артур Даниэль Лисковацкий

МАЛАЯ ПРОЗА ДАНИИЛА ХАРМСА

Даниил Хармс — русский поэт, предвестник сюрреализма, носивший французскую (английскую?) фамилию и клетчатый пиджак, — помимо стихов писал и прозу. Например, рассказ «Встреча» входит в цикл малой прозы «Случаи». Проза эта настолько мала, что я процитирую рассказ полностью:

«Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и все».

«Случаи» так и не были изданы при жизни автора.

Писать большой прозой об этом трудно. А малой?

Может быть, так:

Вот однажды один человек сидел дома и думал о польской булке, но тут в дверь постучали другие люди, которые думали о нем, а еще больше — обо всех тех, к кому они еще не постучали.

А постучат они ко всем. Ну, уж точно ко многим.

Хармса арестовали в 1941 году. Чтобы избежать расстрела, он симулировал психическую болезнь. Умер он от голода в тюрьме, в голодном блокадном Ленинграде в феврале 1942 года.

А можно и так:

В 1997 г. в Польше вышел сборник стихов Хармса, озаглавленный «Пейте уксус, господа».

Двенадцать лет спустя заглядываю на форум портала, предлагающего купить книгу. В рубрике «Рецензии» читаю: «Никто еще не начал дискуссию об этой книге».

ОТКОС

(Два отрывка из книги)

I

Сегодня я жду звонка, завариваю чай, предвкушая продолжение разговора, который завязался довольно нелепо: мы беседовали с Йолей, сотрудницей из редакции, и нас разъединили, телефон сразу же зазвонил, я снял трубку и начал с того места, на котором нас прервали: «До чего же додумалась обожаемая госпожа директор», — и повел речь дальше, слыша в трубке только легкое посапывание, а потом гортанный смех, то ли старческий, то ли молодой, и затем вопрос: «Ну, и что там с обожаемой госпожой директором?». И дальше: «Извините, я ошиблась номером, но вы так интересно рассказывали, что мне было жаль вас перебивать».

Мы приняли этот код, забавную конвенцию общения, с полуслова поняли принцип игры, которая длится уже полгода. Тогда я, вместо того чтобы разозлиться, без всяких предисловий, дополнений и объяснений, произнес:

— Госпожа директор сидела в песочнице.

С противоположного конца провода донесся вздох, и я закончил мысль:

— С поэтом, ныне уже знаменитым, она лепила из песка куличики, когда они оба были детьми. Поэт маленьким мальчиком, был репатриирован, как и она, они нашли друг друга в этой песочнице.

Короткий смешок и ответ, весьма женственный, надо признать:

— Он знаменит во всем мире, и вот она из этой песочницы возносится, подобно башне, сама светится, как луч света в темном царстве, указывает путь, и становится очевидно, что об их детских годах непременно надо написать. Неужели я угадала? Значит ли это, что ты поедешь делать фоторепортаж?

— Да куда мне, — говорю, — не достойный я, не достойный. Когда-то я сделал неудачный снимок поэта, не отдал должного, проявил недостаточно подобострастия, и вещун получился не

очень вещим, а она знает, как ему положено получаться на фото и какая должна быть подпись. Поэтому поедет другой — тот, кто может и не ездить, потому что заранее знает не только вопросы, но и ответы, текст, собственно, заготовлен.

— Песочница, — мурлычет мне трубка, — детская невинность, сладкое щебетание, поэт сыплет песок на голову девчушки, на золотые завитки, и уже ротик скривился, его раздирает рев: «Мама, он на меня сыплет», — и лопаткой, лопаткой противного мальчишку, — так хорошо?

— Плохо, — отвечаю я, — ведь он поэт-пророк, а как ведут себя маленькие гении? Сидит в сторонке, играет, но особняком, ищет в этом песке какого-нибудь сокровища — раковинки там или обкатанного, словно голыш, стеклышка. И тогда она, девчушка золотоволосая, сует ему маленький пестрый камешек и говорит: послушай, в нем что-то стрекочет. Она, Басенька, — это сама музыка, и уже сейчас, в детстве, видно, что она станет знаменитой скрипачкой. Вот так оно и бывает, когда два таланта находят друг друга в песочнице. И сорок лет не смогут их разлучить. Она была его музой, понимаешь?

— Но он забыл, уехал в другой город и теперь...

— Ничто их не разлучит, если они снова встретятся, пусть даже только в тексте, вдохновительницей которого будет она.

— Хорошее окончание, — услышал я, но как бы с оттенком скуки, и подумал, что на сегодня тема шефины себя исчерпала. Поэтому слегка опешил, когда голос спросил:

— Ты играл в песочнице во врача?

— Это из другой оперы, мягко выражаясь. Впрочем, я скажу, если ты наконец сообщишь свое имя. В тебе слишком много таинственности, чтобы я стал пускаться в столь интимные признания. Баш на баш.

— Я Оля, — отвечает тихонько, — так играл?

Я чувствую легкий укол, словно иголочка кольнула шею, ведь это имя... Ну, неважно... я знаком с четырьмя Олями, почему не быть пятой, я чешу в затылке, надо бы в парикмахерскую...

— Играл, — говорю, — а теперь что, пора переходить к более постыдным откровениям?

Раздается смех, нечто среднее между лошадиным ржанием и фырканьем, и я чувствую, что он меня нервирует, провоцирует

и возбуждает. Это смех из глубины времени, откуда-то из забытого, неважно — слышится глубокий вздох, и она нехотя роняет:

— Я была в Конго, река, как море, за мной гналась черная мамба. Она страшно ядовитая, ты знаешь?

— И что? — спрашиваю я, обалдев от неожиданности, переход от песочницы к черной ядовитой гадине был слишком внезапным, — ты спаслась?

Само собой, я не заслуживаю другого ответа, чем тот, который слышу:

— Тебе надо выспаться, чтобы хватило сил сопротивляться коммерции, строить рынок и третью, нет, прошу прощения, уже четвертую Польшу с глянцевых обложек. Я позвоню завтра, мне еще чемоданы распаковывать.

Бряк. Я слушаю тишину, словно пересыпается песок. Это был наш первый разговор. Сегодня мне вспоминается картина, как на засвеченной киноплёнке: два голых животика, два пупка, четыре точки сосков, все совпадает. А там, ниже?

— Зачем ты садишься на корточки, не знаешь, как писают?

Я расставляю ноги и великолепной дугой орошаю ствол яблоньки.

Она недоверчиво смотрит на меня. Моя маленькая пятилетняя кузина, какая-то дальняя, я до сих пор не могу разобраться в этих названиях родства, когда речь идет о потомках двоюродных бабок.

Ленюся, Олюся, от горшка два вершка, а я уже иду в школу, мне семь лет. Я умею читать и писать, но еще не знаю, что у девочек этого нет.

— Покажи, — командую я и стягиваю трусы с розовой попки, мы смотрим с удивлением, пораженные своей непохожестью, недостатком и избытком кусочка тела, поэтому осторожно дотрагиваемся друг до друга, всё так и есть. Еще ближе, чтобы приложить тело к телу, сравнить: ладони, пальцы, ноги, головы, лбы соприкасаются, проступающие ребра и только теперь там, ниже, этот мой шевельнулся, она говорит, оно смешное, как живое.

Я на всю жизнь запомнил удивление, страх, чувство стыда. Нет, я сейчас это так называю. Стыд появился совсем в другой день,

когда мы с мальчишками гасили костер и сикали в него, летели искорки, шел дым и взлетали фонтанчики пепла, и тогда явился какой-то взрослый тип и стал обзывать нас срамниками, — да, вот тогда я познал стыд.

Тогда... у меня нет слов, чтобы найти этому название. Слова сожраны глянцевыми обложками моего журнала. Смолоты, растрянжирены, их разжевала и в рот положила обожаемая госпожа директор, которая знает, что такое культура, поэтому столь мастерски перерабатывает всё подряд в кашу, которую больше не надо грызть — сама проглатывается, лезет обратно, изрыгается. Когда шефиня цитирует «Могущество вкуса»^[1], я уже знаю, что в следующем номере будет хит месяца — «Такси любви», а в этом такси, ну, ясное дело, каждый захочет прочесть, что там творится.

— Наше издание имеет сто миллионов читателей, не забываете, — и кокетливо грозит нам пальчиком, а мы знаем, что она разбирается в поэзии. Басенька с поэтом в песочнице. Абсурд?

Песочница, где еще нет стыда, а есть только щекочущее любопытство. Нет запретов. Змей прячется в кустах и ждет, когда эти маленькие существа станут взрослыми, то есть начнут всему давать имена, искать слова, помогающие различать, разделять, присваивать.

От первого крика: «Это мое! Не дам!» — до окончательного диагноза: потеря невинности.

Далеко завел меня вопрос телефонной знакомой — Оли так Оли, — играл ли я во врача.

Почему она тогда об этом спросила и откуда Конго и черная мамба?

Грохочут бубны, love taxi едет по Варшаве, песок отмеряет время; если он пересыпается в песочных часах, то он в руках Хроноса, что я сделал со своей жизнью? Еще немного, и я забуду, еще немного, и перестану жить. Так говорится, так только говорится.

Эта квадратная песочница находилась около дома, который две семьи снимали на лето. Я помню первое лето, когда сделал свое открытие, и следующее, когда к соседям приехали на каникулы мальчики и Оленька перестала для меня существовать, и если она спрашивала: «Можно мне с вами поиграть?» — ее отгоняли одним словом: «Сопля!»

«Сопля» отправлялась к своим куклам, кидать мяч об стенку. Были слышны мерные удары. Одной рукой — десять раз, другой — девять, кулачком, потом из-за спины, самое трудное — головой и коленкой, и так пока не надоест; время от времени я чувствовал, что пора смириться, и говорил: «Давай, покидаем».

Мы никогда больше не возвращались к тому, что было нашей общей тайной, и не сказали никому из взрослых, что знаем их секрет.

В последний день каникул мама предложила: «Дети, попрощайтесь, вы наверняка теперь долго не увидите», — а мы, уже одетые в дорогу, стояли друг против друга, не понимая, что значит «долго», поскольку время взрослых не имеет ничего общего со временем наивности, — и тогда Ленуся раскинула руки, словно собиралась взлететь, а я вытянул свои, и мы приложили пальцы к пальцам, лоб ко лбу и нос к носу. И это было наше прощание на много лет. Она исчезла из моего поля зрения, лишь изредка краем уха я что-то слышал о ней, но мне было не интересно, потому что время песочницы давно прошло, вместе с каникулами, которые в моей памяти пахли горячей сыпучей пылью.

Одно воспоминание из далекого прошлого, и что делается?

Я раскидываю руки и замираю напротив своей тени, не сто́ит и примеряться. Моя тень и я, ее причудливое отражение, — это одно и то же, брэнное ничто. Несколько движений и тень танцует.

II

Он ходил <по улицам> упругим шагом, обожал свой город, разбухший от товаров, нужных и ненужных вещей, замученный одышкой из-за постоянно менявшихся вывесок, как будто лихорадка переезда охватила всё и вся, и следовало спешить, чтобы доставшийся тебе для освоения угол не оказался на периферии. Создавалось впечатление, что произошла перелицовка материи, предместья вошли в центр, расположились там на улицах и в подземных переходах. Дразнили дешёвкой, заглядывали в глаза, щекотали ноздри запахом жареных колбасок, люля-кебаба, китайской и вьетнамской еды на картонных подносиках.

Великий базар, приводивший его друзей и скучающих подруг в ярость, излучал энергию — и возникало ощущение, что

засосавшая душу пустота наконец отступает, наполняется этой хамской, хаотичной, неупорядоченной жизнью.

Он не был наивен, знал, что для начального капитала первый миллион надо украсть, знал, что где-то там, подспудно, еще невидимая, зреет большая афера, мошенничество, которое поможет набить карманы считанному числу решительных и беспощадных личностей.

Выстраданные, долгожданные перемены не несли в себе ничего героического, ничего, что заслуживало бы идеализированных вздыханий.

Его, конечно, радовала «Газета выборча» и цветные ламинированные обложки книг в витринах магазинов и на уличных лотках, его также возбуждало и вдохновляло движение, клубящиеся толпы, полные товаров магазины без очередей и даже новая упаковка и целлофан, в который заворачивали цветы.

Аня вместе с ним открывала для себя соблазны ларьков, тянула за руку, протискиваясь к столикам и раскладушкам, на которых стояли кивающие головами собачки, переливающиеся радугой пластиковые змеи, божьи коровки на батарейках, лежали рядом жвачки и пушистые резинки для волос. Анины восклицания: «Папа, смотри, папа, купи мне, какие они смешные!» — внезапно сменились визгом: «Папа! Монися!».

Монися тоже начала новую жизнь. Без комплексов и стеснения поставила раскладушку, приткнув ее между складными столиками, которые тянулись вдоль Маршалковской между Свентокшиской и Крулевской.

«Умопомрачительный год торжествующей свалки» — он так тогда об этом написал: «Да здравствует свалка, пестрота, натиск, и даже Сисястая!»

— Не возбуждайся, — говорила Басенька, — это только прелюдия, скоро наступит время роскоши, и к тому моменту наша газета уже будет занимать прочное место на рынке. И не смейся, я серьезно говорю, через несколько лет начнут строить резиденции, возводить дворцы, разбивать парки, устраивать пруды с рыбой, хотя, может, от замков откажутся, слишком большие расходы и неудобства, но эклектичные особняки за крепостной стеной, даже окруженные рвом, — почему нет?

Он засмеялся и рассказал о студенческом походе по земле Перемышльской, маршрут проходил от развалин к развалинам.

Разрушенный Красичин, а в нем великолепные порталы, террасы, лоджии, башня с часами, дворы и башенки, большие каменные залы и внутренние галереи. Разграбленный шведами во времена «Потопа»^[2], через сто лет разгромленный русскими войсками и казацкими частями, это в 1726 году, проходит еще сто лет и случается огромный пожар, очередное восстановление, и наконец Вторая Мировая война и полное разорение, даже саркофаги в часовне были уничтожены. Реставрация тянется и тянется, и конца ей не видно.

— Пройдет пять лет, и откроется отель класса люкс, — сказала Басенька, — а цены в нем будут такие, что у тебя глаза на лоб вылезут.

— Заречье, — продолжал он, — одни руины, осталось несколько лип, ясеней и берез, сосну Веймутова^[3] срубили. Высоцк: вообще ничего нет, а говорят, тамошний замок славился своим красивейшим парком. Стубно: некогда здесь был замок с высоким полуподвальным этажом, в парке сохранился гинго билоба. Сенява: разграблена, — посмотрев на это, я понял, что в случае реконструкции ни за что не хотел бы иметь дело с реставраторами памятников. Безнадежно. Балицы: дворец разобран до фундамента в 1945 году, парк вырублен, не буду перечислять дальше. Единственное живое место — это Болестрашицы: дендрарий и дворец. Великолепная четырехскатная польская крыша из гонта. Разве мало? А пилястры, арочные лоджии, кессонные потолки, угловые башни, аркады и галереи — всё пошло к чертям, и следа не осталось. Дворцы! Подумаешь!

— Тебе не хватает веры, — сказала его будущая начальница. — Осведомленность полезна, но не кажется ли тебе, что от излишних знаний руки опускаются? Выброси из головы. Спорим, что через десять, ну, пятнадцать лет то, что еще можно спасти, будет восстановлено. Тщеславие, честолюбие и деньги сотворят чудеса. Ты зря недооцениваешь человеческую природу. Человеческое тело склонно рядиться и облачаться.

— Я знаю, — ответил он, — материя ненасытна, она с алчностью захватывает всё свободное место.

В памяти всплыли пологие холмы на берегу Сана, остатки аллей, ведущих в сторону реки, высоченные шпалеры, в тени которых они отдыхали. Его взгляд задержался на почерневшей от пожара сосне, возносящей к небу культю обломанных ветвей, как небесный канделябр. Далее тянулись заросли порыжевших трав, а рядом с башней, вроде это было в Заречье,

лежал возле нарытого кротом бугорка проржавевший, тяжелый ключ, который, вероятно, открывал когда-то существовавшую здесь двустворчатую дубовую дверь. Он не стал поднимать ключ — собственность крота, не хотел быть очередным грабителем. Ключ должен уйти под землю и после многих лет снегопадов и дождей под воздействием коррозии рассыпаться в прах. Не было замка, который он мог бы открыть, не было места, где он висел бы на гвозде. Шаги эхом отдавались внутри пустой оболочки дворца.

Нежная красота пейзажа, покатость нагретых склонов, запах чабреца, заросли золотого ослинника, который распускается к вечеру, привлекая бабочек, — эта спокойная красота пространства не имела ничего общего с человеческой натурой, жаждущей насилия, захвата, крови, испепеляющего огня. Он размышлял об иллюзии, обмане зрения, предлагающего картины, которые, казалось, противоречили тому, что известно из истории, в течение сотен лет питавшей эту землю кровью и удобрявшей ее человеческими телами. Огромное брюхо материи переваривало всё и выделяло остатки, давало навоз, чтобы возражали грядущие поколения.

Они тогда расположились в дендрарии, сад был прекрасный, ухоженный, там же дворец и строения, находящиеся в ведении Института естествознания.

В полуденном зное время остановилось, и он задумался, смог бы прежний владелец усадьбы Петр Михаловский — художник-романтик, увлекавшийся наполеоновскими сражениями, красивыми лошадьми, упряжью и дилижансами, автор конных портретов полководцев и собственной дочери верхом на лошади, — смог бы он, этот путешественник, изучавший живопись по всей Европе, сегодня узнать родные места?

Отсюда он смотрел на мир, а Ксении и маленькие Семены позировали ему для портретов. Он наверняка знал, какова человеческая природа, поскольку отразил это на портретах и в батальных сценах, подтвердил широкими мазками кисти, запечатлевшей ласковые коровьи морды и лоснящиеся конские крупы.

Исчезали в бездне времени дворцы и славные роды, гибли крупные библиотеки и собрания искусства, а он обязан был уверовать, что из этого скопления ларьков, из бесформенной мешанины всевозможной дешевки, заполонившей улицы, родится сила, способная строить и создавать нечто большее, чем незамысловатая видимость красоты. Это новое пахнет мышами, так он сказал тогда, но Басенька только засмеялась и

потащила его за собой, ведь их ждала большая кровать у нее дома.

Знакомый звонок в дверь. Он, не удивившись, не спеша встает, Юниор следует за ним по пятам, неуверенно машет хвостом, пес в смущении, не знает, лаять ему или нет, он еще не освоился в этом доме.

Басенька тоже кажется смущенной, говорит:

— Хороший пёс, привет, красавец, можно войти?

— Почему ты не позвонила? — спрашивает хозяин, — ведь меня могло не быть, и что бы ты стала делать?

— Подождала бы, а прежде позвонила тебе на мобильный. В одиннадцать вечера ты в последнее время бываешь дома.

Ему не хочется ссориться и задавать вопросы — откуда ты знаешь, когда в последнее время я бываю дома и что значит «в последнее время», поэтому он ставит перед ней рюмку, наливает, а она не возражает, не говорит: «Я за рулем, и мне еще ехать обратно», — всё становится ясно, они вместе отправятся в постель, а утром будут злиться на себя за это, поскольку снова между ними заискрит, они снова почувствуют близость и взаимопонимание без слов.

— Пей, — говорит он, — и, если можно, не говори больше ничего. Заведи какую-нибудь музыку.

Он знает, что она выберет, и когда зазвучит Леонард Коэн^[4], и Сюзанна будет уходить раз и навсегда, он привлечет к себе уже не противную начальницу, а маленькую, постаревшую — так же, как он, не стоит обманываться, — но по-прежнему красивую девушку.

Он чувствует, что их желание обоюдно, не нужно ничего объяснять, сейчас они друг друга любят, им нравятся касания и запах кожи другого, она порывистая и в то же время покорная, а он перестает соображать, «Не будем усложнять», — бормочет он ей на ухо, а она в ответ: «Как всегда, не будем». Им хорошо, и так могло быть и дальше, но они больше не умеют вместе молчать, в тишину закрадывается неловкость; она первая потягивается, по-кошачьи чувственная, как прежде, и опять Коэн, последняя пластинка, на этот раз с оркестром и бэк-вокалом, и они понимают, что солисту нужна помощь, завеса, скрывающая старость, не слишком уверенный голос,

недостатки, которые уже не назовешь достоинствами начинающего любителя.

— Полный профессионализм, вот что достойно уважения, — говорит он, чтобы прервать молчание, а она нежно касается его, словно отвечая: «Не надо, это не обязательно, ведь мы и так чувствуем одинаково», шепот ему в шею:

— Лет нам не становится меньше, а всё так же, как было.

Он ощущает неуверенность в ее голосе, и ему приходится подтвердить: да, всё как было, — и сам верит в это, когда обнимает свою любовницу, которая повела его за собой, не дала провалиться в пустоту. «Я ни разу не поблагодарил ее», — думает он, но не произносит вслух, поскольку они не говорили слов, которые могли бы к чему-то обязывать.

Ему вспоминается концерт, на который он взял Аню. Коэн пел в Лондоне, чудом удалось достать билеты, они вошли в огромный зал, и когда певец появился на эстраде, раздался вой толпы и аплодисменты, которые никак не хотели утихать, и когда он снял шляпу и в поклоне махнул ею над полом, от воплей чуть не лопнули стены, и когда он встал на колени и так начал петь «Сюзанну» — все встали, и воцарилась тишина. Слезы текли по щекам сорокалетних и шестидесятилетних зрителей, Аня сжимала его руку — взрослая дочь, растроганно наблюдавшая, как стареющий певец возвращает отца в молодость. Он не стеснялся своих чувств, вызванных музыкой и голосом с хрипотцой, и не хотел, а может, не умел скрывать их.

— Знаешь, — сказала Аня после концерта, когда они уже довольно долго молча шли рядом, — помню, когда я была маленькой, ты довольно часто слушал эту музыку, а я злилась на тебя, потому что тебе от нее становилось ужасно грустно. Я не любила его песен, сама не знаю почему, а сегодня он мне понравился. Он — ваше поколенческое переживание, так это называется. Да, папа?

Пластинка доиграла, следовало бы поставить другую, совершить какое-то действие, расколдовать это воспоминание и десятки других, обступивших его и не дающих покоя, ибо сейчас рядом с ним лежала женщина, вместе с которой он много лет назад слушал песню о прощании с любимой, — и она прижималась к нему так же, как и теперь, не зная, что это он, а не Коэн, говорил «до свидания» своей любви.

Они больше не могут лежать в тишине и, когда Басенька спрашивает: «У тебя осталась моя рубашка, не выбросил?», он

получает возможность встать и достать из ящика нечто салатное и прозрачное, как дымка, которая укроет ее уже не столь упругую грудь, но в приглушенном свете будет казаться, будто ей снова двадцать пять, а ему немногим больше, время ненадолго остановится, чтобы они сумели взглянуть друг на друга с симпатией и почти в один голос сказать: «Мы еще ничего».

Он растроган, его словно обдает теплой волной, и в то же время он чувствует себя негодяем, потому что насплетничал про нее какой-то незнакомой Оле и завтра или уже через минуту назовет ее мысленно «противная баба»; и хотя почти ее любит, хотя они близки и знают друг друга наизусть, и это настоящий дар судьбы, — тем не менее он понимает, сколь сильно может ее ненавидеть, когда его так неволят. Они смотрят друг на друга и между ними нежность и взаимопонимание.

Смех разряжает обстановку, они знают, что впереди у них хорошая ночь и, видимо, утро тоже будет неплохое.

-
1. Стихотворение Збигнева Херберта (1924–1998), поэта, эссеиста, драматурга. — Здесь и далее прим. пер.
 2. Т.е. в середине XVII века.
 3. Сосна Веймутова, или белая сосна — крупное дерево, в естественных условиях растет в северо-восточных районах Северной Америки.
 4. Leonard Norman Cohen (р. 1934), канадский поэт, писатель, певец и автор песен, в частности, хита «Сюзанна» (1966).

ПОСТАНОВКА ДИАГНОЗА

Ивона Смолька (р. 1944 г.) с 1960-х гг. была известна главным образом как литературный критик и прежде всего как выдающийся знаток польской поэзии. Ее книжным дебютом стала небольшая монография о лирике Анны Каменской (1983), изданная на французском языке; годом позже вышел сборник ее очерков об актуальных явлениях в польской современной поэзии «Страхи, избавления, акцепты», а в 1997 г. — сборник «Девять миров», посвященный творчеству девяти современных поэтесс. Кроме того И.Смолька занимается радиожурналистикой, выступая на тему наиболее значимых литературных событий — и если потом эти материалы не переносятся на бумагу и не появляются в печатном виде, то в большинстве своем все ее суждения и аналитика теряются, растворившись в эфире. Вне всякого сомнения, литературно-критические работы И.Смольки, разбросанные по страницам литературной периодики, заслуживают того, чтобы собрать их вместе и возможно более полно представить читателю — из них складывается неповторимая панорама польской лирики XX века, особенно второй его половины.

В 1981 году, после введения военного положения, Смолька — скрываясь за псевдонимом — присоединилась к независимому литературному движению не только как критик, но и как соучредитель и редактор независимого литературного журнала «Везване» («Вызов», «Призыв»), выходившего ежеквартально до 1988 года. Свой первый роман «Распад» писательница издала нелегально и тоже под псевдонимом (Мария Ярота), в нем говорится о последствиях студенческого бунта и антисемитской компании, развязанной властями ПНР в 1968 году, — тема довольно редкая в польской литературе. Следующее произведение — «Ты должен себя съесть» — в основном посвящено сомнениям и проблемам выбора в среде интеллигенции 80-х годов: перед нами целая галерея жизненных позиций и их обоснований, в особенности тех, которые оправдывали равнодушие к свободолюбивым устремлениям общества, проявившимся с возникновением «Солидарности». В творчестве Смольки поражает не только точный диагноз положения в стране, но и способность тонко и без предвзятости проанализировать, как человек запутывается в паутине тоталитарной действительности, умение автора избежать схематизма и деления на черное и белое, попытка

разобраться в сложной сети взаимозависимостей и — что тоже немаловажно — страхов и опасений. Самое существенное в прозе Смольки — тот человеческий, житейский, а не политический взгляд на историю, в которую мы погружены.

Наиболее полно это отношение к истории — которая подается в соизмеримом с человеком масштабе, а не как сорвавшаяся с цепи сила — нашло свое воплощение в третьей книге: «Дом стихий». В этом произведении важны не только собственно межчеловеческие отношения, но и их опосредование в виде воспоминаний рассказчика. Сосредоточенность Смольки на деталях, однако, далека от бытописательства и приземленного реализма — напротив, пейзаж, на фоне которого течет жизнь, — это рама, без которой невозможно представить саму картину. В книге показана судьба семьи с 1905 г. до пятидесятых годов XX века, то есть повествование охватывает период, когда историческая стихия постепенно набирала силу и к середине века возросла до катастрофы.

Характерная черта творчества И.Смольки — способность автора к сочувствию, что совершенно естественно для литературного критика, занимающегося главным образом поэзией; сочувствие не обязательно означает снисходительность — скорее стремление понять, отказ от морализаторства и поверхностных оценок людей. Причем Смолька пишет как бы независимо от последних модных тенденций: она делает это от себя и для себя прежде всего. Но заодно, как оказывается, и для читателей.

РЕЛИКВИЯ

Недавно, осенью 2011 года, в Котласе Архангельской области представители польских и российских властей открыли необычный памятник необычному человеку. История появления этого памятника сопрягается с рассказом бывшего заключенного, с которым я когда-то встретился и имел возможность поговорить.

Дом на углу 2-й Тверской-Ямской и Оружейного переулка по масштабам центра столицы России невелик. Всего пять этажей. Однако обновленный фасад из белого облицовочного кирпича и поблескивающего серого мрамора придает ему некую значимость и даже отчасти достоинство. От полной невыносимым шумом Тверской улицы его отгораживает квартал высоких зданий. Поэтому вокруг дома, обставленного припаркованными машинами, довольно тихо. Даже настолько тихо, что, выходя со станции метро «Маяковская», невольно попадаешь в мир инструментов, о которых говорят, что они ближе всего русской душе. Вот через открытые окна плывут, исполняемые на кнопочных и клавишных клавиатурах, сложнейшие пассажи, красивые аккорды, а то и сочинения целиком. Если повезет, то, остановившись на углу, можно услышать даже концерт.

Весной 2002 года в этом мире меня встретило двойное репортерское счастье. Во-первых, я познакомился с одним из крупнейших знатоков гармоник и аккордеонов. Во-вторых, совсем неожиданно я узнал о его давнем знакомстве с прозябавшим в тюремной камере Эугениушем Бодо.

В тот весенний день где-то на втором этаже так мастерски играли «Синий платочек»^[1], что, идя на назначенную встречу, я невольно стал напевать эту мелодию. Издалека заметная латунная вывеска на фронте информировала, что здесь находится Музей русской гармоники Альфреда Мирека. Экспозицию показывал мне сам основатель этого необычайного музея — высокий, элегантный, с патриаршей седой бородой профессор Альфред Мирек, ученый, музыкант, эксперт ЮНЕСКО, коллекционер, писатель, автор монографий и учебников, музейщик и при этом многократный узник советской системы репрессий. Этот русский человек с польскими корнями едва ли не с детства, в течение восьми

десятилетий, собирал, исследовал и описывал прекрасные инструменты и всё, что с ними связано. Свою коллекцию, то есть около двух тысяч редкостных предметов, он в полном объеме подарил Москве. Именно так и возник крупнейший в мире музей гармоники. Да, аналогичные собрания есть в Германии, Италии и США, но в музее Мирека больше всего экспонатов. Здесь есть также собственный концертный зал, откуда музыка выплескивается иногда на московские улочки. С середины 2009 года один из залов посвящен исключительно Альфреду Миреку^[2].

В тот день в музее давали концерт гармонисты с Урала. Кроме «Синего платочка», помещение наполняли их заразительные частушки, или вальс «На сопках Маньчжурии», или полонез Огинского «Прощание с родиной» и десятки других произведений, а мы с профессором говорили о его страсти исследователя большого семейства инструментов, о том, что он посвятил им всю жизнь и благодаря полученным знаниям стал признанным авторитетом на всех континентах.

— Неверно, будто бы, как еще сообщают некоторые источники, родина этих инструментов — Германия. И неверно, что первый инструмент был там создан в 1822 году. Язычковые идиофоны, то есть фисгармонии, аккордеоны, гармоники, баяны, губные гармошки и так далее ведут свою историю из России. Кстати, а как по-польски «губная гармошка»? «Органки»! Вы знаете, я, к сожалению, помню слишком мало польских слов из моей молодости. В детстве (я родился в Ташкенте, потом мы жили в Одессе) дома говорили по-польски или по-русски. Мой отец был поляк, мама была русская. И, хотя мне уже много лет, я по сей день понимаю, если кто-то говорит по-польски...

Поглядывая через толстые линзы, профессор, казалось, устремился мыслями в прошлое. Он одновременно и показывал, и объяснял мне, чем отличаются разные модели «ливенок», «тальянок», «хромов», «череповок» — сибирских, вятских, вологодских.

— Я уже давно установил, что на сорок лет раньше, чем в Германии, т.е. около 1780 года, на Васильевском острове в Петербурге в мастерской органного мастера Францишека Киршника была сделана первая гармоника. Ручная, с горизонтальными мехами...

Так мы и путешествовали среди сотен инструментов, замысловатых форм, причудливо украшенных, с кнопками, клавишами, рычажками, с мехами разной конструкции, с орнаментами — от барочного до самого простого; побывали в

настоящей старинной органной мастерской, смотрели на витрины, полные документов, гравюр, плакатов, книг... Станный для этого музея экспонат я обнаружил в самом маленьком зале: под стеклом лежал четырехугольный кусочек тонкой вылинявшей серовато-бежевой ткани. Его края и уголки были обметаны толстой, траченной временем серой нитью.

— Я особенно хотел показать вам этот кусочек ткани, потому что вы из Польши, — голос профессора, когда я наклонился, чтобы прочесть этикетку в витрине, дрогнул. — Вы можете не читать. Там только сухая информация, которая немного объяснит. Слишком длинную историю пришлось бы написать для этого кусочка ткани... А для меня этот предмет дороже любого другого экспоната. Потому что это единственная память о прекрасном артисте, с которым во время войны я сидел в Бутырке и которого всегда буду помнить. Увы, это был склон его жизни и одновременно страшное время для нас обоих... Этот великий польский актер и благородный человек — Эугениуш Бодо. А этот платочек — от него, нечто вроде моей реликвии...

Я всего мог ожидать, — но чтобы в наполненном музыкой московском музее напасть на след первой звезды довоенного польского кино? Об Эугениуше Бодо я знал столько же, сколько любой киноман в Польше: что это человек-легенда, что он был величайшей звездой кино, любимцем публики варьете и кабаре, эталоном мужской элегантности, завсегдатаем салонов — словом, знаменитостью тех времен. Я слышал также, что, считая себя поляком, он имел по отцу только швейцарское гражданство и что в сентябре 1939 г. бежал от немцев во Львов. Где-то я читал о его эксцентричных хобби — например, он страстно любил вышивать. О дальнейшей его судьбе не было никаких сведений, а поскольку долгое время после войны он не давал о себе знать, в прессе появилась информация, что он был убит немцами. Никто из тогдашних новых властей не воспринимал всерьез сведения, поступающие из среды польской эмиграции, что артист был арестован НКВД.

Выцветший платочек в витрине не только полностью изменил ход нашего разговора, но и послужил тому, что профессор посвятил мне значительно больше времени, а тема инструментов уступила место лагерной биографии Альфреда Мирека. Профессор совершенно обоснованно считал себя в этом отношении ветераном: первый раз был арестован во время войны, а последний — в 1980 х, в канун перестройки. Его отец, Мартин Мирек, инженер на «великих сталинских стройках»,

был арестован в 1937 г. как «враг народа» и несколькими годами позже умер от истощения в лагере. К «сыну врага народа» НКВД первый раз пожаловало в августе 1942 г., когда Альфреду еще не исполнилось двадцати лет. Сначала он попал на Лубянку, а в начале 1943 го — в общую камеру Бутырки, где дожидался приговора «тройки» и отправки в лагерь.

— Через эту камеру проходило множество заключенных, но один из тех, кого я там застал, сразу же привлек мое внимание. Он был какой-то странный, экзотический. Не расставался с потрепанным пыльником и помятой шляпой, по-русски говорил с иностранным акцентом, а поведением своим заметно отличался от остальных. Впрочем, сокамерники тоже не стремились с ним разговаривать, потому что любое знакомство с иностранцем могло даже в таких обстоятельствах создать дополнительные проблемы. Я довольно быстро понял, что мне откуда-то знакомо его лицо, и распознавал польские слова, которые неосознанно вырывались у него, когда я пробовал завязать беседу. И только когда он назвал себя, меня осенило: это ведь тот самый Эугениуш Бодо, выступление которого я видел в Москве в 1940 г. и чью пластинку с исполняемыми по-русски песнями потом часами слушал.

Вопреки логике сталинской тюрьмы, Альфред Мирек не стал осторожничать. Он подружился с иностранцем. Возможно, поводом стали общие польские корни, а быть может, восхищение, с которым молодой человек относился к известному артисту. Отвергаемый до того другими заключенными, питавшийся исключительно тюремной баландой, Бодо нашел сочувствующего собеседника, который к тому же делился с ним содержимым получаемых иногда передач. Мирек мог часами слушать анекдоты из жизни польских и европейских звезд эстрады и кино, а Бодо наконец нашел того, кому мог рассказать, что с ним произошло после приезда во Львов. Он выступал перед восхищенной публикой в эстрадных концертах. Ансамбль «Теа-джаз», в котором было много польских артистов, даже совершил гастрольное турне по СССР, выступив и в Москве. Бодо, как швейцарский гражданин, написал заявление о выезде из СССР. И был арестован во Львове в июне 1941 г., неожиданно, прямо в чем был: в летнем костюме, тоненьком пальто и шляпе, — прямо перед приходом немцев. Его сразу перевезли в Москву, в Бутырку. Сначала он был уверен, что это какая-то ошибка, потом пробовал узнать, за что он арестован. Все вопросы оставались без ответа. Без предъявления каких-либо обвинений, без допросов, он сидел в этой камере уже полтора года, всё больше впадая в депрессию.

— Чтобы заглушить голод, он пил много горячей воды с солью. Когда я с ним познакомился, он был уже ослаблен, совершенно истощен. На тюремно-лагерном жаргоне человека в таком состоянии тогда называли доходягой. От соли почки у него стали отказывать, что привело к отекам ног и лица. Несмотря на это, он просил меня достать ему соли. Я отказывался, но он так просил, что я в конце концов всегда уступал.

Встрече с польским артистом профессор посвятил фрагмент своей книги «Записки заключенного», которую издал спустя почти пятьдесят лет после этих событий. Он написал, как тяжело ему было расставаться с тюремным другом, когда в апреле 1943 г. он должен был отправляться по этапу в лагерь. А больным Бодо так никто и не интересовался. Перед отправкой на этап Мирек подарил ему на память полотняный мешочек для хлеба.

— Он обрадовался, но и озаботился, потому что хотел что-то подарить и мне, но у него ничего не было. Тогда он вывернул наизнанку свой потрепанный пылевик, старательно оторвал кусочек подкладки, а из тюремного полотенца вытянул нитку, одолжил у кого-то иголку, обметал этот кусочек ткани со всех сторон и вручил мне на прощание...

Ни Бодо, ни Мирек не могли тогда знать, что об артисте хлопочет польское посольство в СССР, что послы Станислав Кот и сменивший его Тадеуш Ромер стремились его освободить. Советские власти в ответ заявляли, что не станут обсуждать вопрос о швейцарском гражданине с поляками. Из-за своего гражданства Бодо не попал под так называемую амнистию, которая привела к созданию армии Андерса.

Платочек от Бодо все последующие годы Мирек бережно хранил. Пронес через все лагеря. Из Бутырки он попал в лагпункт №4 в Сухобезводном, где убийственная работа на лесоповале привела его к инвалидности. Потом другие лагпункты, тысячи заключенных... От одного из них, случайно встреченного где-то на Севере, Мирек услышал о смерти Бодо. Но, несмотря на это, с 1947 г., после выхода из лагерей, пытался узнать хоть что-нибудь о своем тюремном друге.

— После долгих, многолетних поисков я узнал, что в конце концов им занялась «тройка» и дала пять лет лагерей. Он был признан «социально опасным элементом», — голос профессора снова задрожал, а стекла очков словно подернулись туманом. — Еще в лагерях тот случайно встреченный человек рассказал мне, как осенью 43 го года вместе с истощенным Бодо оказался в товарном вагоне, набитом заключенными. Поезд вез их в

лагерь в Архангельской области. У Бодо не было уже ни пальто, ни шляпы, он был в ужасном состоянии. Опухший, лежал на полу, залитом мочой. У него не было сил подняться. Умирал. Когда поезд доехал до места назначения, его отнесли в лагерную больницу, там констатировали смерть. И закопали в общей могиле...

Когда я простился с профессором и его музеем, меня снова провожал военный «Синий платочек». На всем пути до метро звучала песня, полная обещаний, любви и нежности. Но мне уже не хотелось ее напевать. У меня перед глазами стоял другой, выцветший платочек, из тех же времен, который обещал совсем другое.

-
1. Эта популярная в годы войны советская песня написана на музыку польского композитора Ежи Петербургского.
 2. Профессор, доктор искусствоведения Альфред Мирек скончался 28 июня 2009 г. в возрасте 87 лет.

АНТИСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ни один из нескольких десятков документов, принятых в ходе первого Всепольского съезда делегатов «Солидарности», с одной стороны, не был с таким энтузиазмом встречен (прежде всего активистами профсоюза), а с другой — не подвергся столь острым нападкам пропагандистской машины и в ПНР, и в других «братских странах», как «Послание трудящимся Восточной Европы». Именно в связи с «Посланием» генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев заклеил съезд как «антисоциалистический шабаш», а в «странах народной демократии» были организованы «стихийные» митинги рабочих с целью дезавуировать съезд «Солидарности». Заметим, что немногочисленные не хватило, чтобы принятие документа (как минимум, в том виде, в каком он был принят) перечеркнул... обед, запаздывавший из-за затянувшихся прений.

Съезд

Первый съезд проходил в два этапа: 5–10 сентября и 26 сентября — 7 октября 1981 г. в гданьском зале «Оливия». Задачей съезда было избрать Всепольское правление, внести поправки в устав (перерыв в ходе съезда был вызван главным образом необходимостью утвердить эти поправки в регионах), а также выработать программу профсоюза. В Гданьск съехалось около 900 делегатов (по квоте 1 делегат от 10 тыс. членов) со всей страны, которые заседали в несколько хаотичной атмосфере, но в условиях стихийной и совершенно неконтролируемой демократии. Вот как это описывал несколькими годами позже Збигнев Ромашевский: «Я чувствовал себя, словно в 1918 г., в первом польском парламенте. Со всем грузом исторического опоздания, с отсутствием выработанной столетиями демократической культуры, политической культуры (...) когда все хотели высказаться после 40 лет молчания. И говорили самые разные вещи — мудрые и глупые, иногда людей несло. Интересным во всем этом было то, что в конце концов, когда доходило до голосования, здравый смысл побеждал».

В этой атмосфере не только были достигнуты основные цели съезда, но и принято свыше 70 документов. К важнейшим из них относятся программное постановление (особенно часть VI,

«Самоуправляющаяся Речь Посполитая»), которое содержало картину демократизации политической системы и социализации экономики; «Послание к трудящимся Восточной Европы»; резолюция по вопросу защиты рабочего самоуправления. Самым знаменитым из этих документов стало упомянутое «Послание», в котором выражалась поддержка тем, кто борется за независимые профсоюзы в странах социалистического лагеря. Документ был поставлен на голосование в четвертый день работы первого этапа съезда, с энтузиазмом поддержан абсолютным большинством делегатов и тепло встречен гостями съезда. И одновременно взбесил государства так называемой народной демократии.

Как выковывалось «Послание»

Идея принадлежала Генрику Сицинскому, хирургу из Острова-Велькопольского неполных 32 лет, члену регионального правления «Солидарности» Южной Великопольши. «Этот замысел, — вспоминал Сицинский, — был результатом той атмосферы травли, той истерии, которую создавали средства массовой информации, действий властей. Это случилось как озарение. Не было никакой предварительной дискуссии. В разговоре со Сливой [секретарем регионального правления «Солидарности» Южной Великопольши] я сказал, что как раз в связи с тем, что вокруг нас происходит, не будет ли иметь смысл, чтобы съезд в первые же дни своей работы каким-либо образом обратился к другим трудящимся (...). Он мне предложил, чтобы я сам что-то такое написал (...). Я и написал — пожалуй что в двух предложениях. Это были очень общие слова, что съезд (...) не направлен против кого-либо, чьих-либо интересов, против народов или стран наших соседей. Там не было никаких противопоставлений «мы — вы» или «капитализм — социализм», потому что абсолютно не в этом было дело».

Подготовленный Сицинским текст был из нескольких проектов избран калишскими делегатами, чьей целью было обозначить присутствие их небольшого региона (13 представителей на съезде), и затем подвергся редактуре. Потом Богуслав Слива обратился к Ромашевскому, которого знал не только по «Солидарности», но и в связи с сотрудничеством в Комитете защиты рабочих, но Ромашевский не выказал особого энтузиазма, о чем спустя годы вспоминал так: «Знаешь, сказал я ему, так-то оно так, но я не уверен, что нужно какое-то заявление». И не он один. Например, несколько позже против выступил Яцек Куронь, которому вообще пришлось «сцепиться» (как вспоминал Ромашевский, они «на весь зал

орали») со Сливой и Антонием Петкевичем (вице-председателем регионального правления «Солидарности» Южной Великопольши), которые нашли поддержку у гостя съезда Яна Литынского...

Окончательная версия «Послания» (подготовленная Литыньским и Сливой), была подписана последним, а также Петкевичем, а затем передана в комиссию по решениям и предложениям как проект от региона Южная Великопольша. Председатель комиссии Тадеуш Матушек передал документ вместе с проектом другого послания («Народам, парламентам и правительствам мира») Генрику Вуецу, члену той же комиссии. Вуец попытался объединить оба текста, но, как сам вспоминал позже, «проект «Послания трудящимся Восточной Европы» превосходил другой четкостью, близостью адресата (географической и, если можно так сказать, близостью судеб), а также ясностью формулировок. Попытки «поженить» эти два текста не имели шансов, да и делегаты Калиша, выдвинувшие проект послания, не соглашались на смену адресата (например, на формулировку «правительствам и парламентам мира»), обратив внимание на то, что для съезда «Солидарности», представляющего трудящихся в Польше, естественно обратиться к трудящимся в других странах, особенно соседних». Так что Вуец отказался от попыток объединить два проекта, внес мелкие поправки в редакцию (в частности, добавил Албанию, которая не упоминалась в проекте «Послания») и после согласования поправок со Сливой и Петкевичем передал подготовленный проект председателю комиссии.

Матушик зачитал «Послание» и, поскольку оно было встречено аплодисментами делегатов, предложил, вопреки утвержденной процедуре, поставить проект на голосование вместе с проектом послания народам, парламентам и правительствам мира. Этому воспротивился Ежи Бузек — член президиума съезда, в тот день председательствовавший. Он сказал, что проект необходимо доработать, есть желающие высказаться по проекту, а кроме того... делегатам пора на обед. Под таким давлением Матушик дезавуировал свое предложение и предложил представить замечания в комиссию. «Послание» собирались поставить на голосование после обеденного перерыва. До обеда утвердили два стоявших на очереди решения, после чего Анджей Гвязда предложил всё же поставить проект «Послания» на голосование как не вызвавший возражений, а рассмотрение зачитанного вместе с ним второго, дискуссионного проекта отложить. Против выступил Владислав Шибович (регион Малопольша), призвав

проявить заботу о членах профсоюза, а именно о женщинах, обслуживавших с утра до вечера столовую, которой пользовались делегаты. Однако предложение Гвязды поддержали другие (преимущественно представители Великопольского региона, от имени которого выступил Богдан Тишак), и в результате Бузек открыл голосование. «Послание» было принято подавляющим большинством голосов.

Автор первой монографии о «Солидарности» (написанной в 1982–1983 гг.) Ежи Хольцер писал: «Принятием «Послания» съезд преодолел определенный психологический барьер. В нескольких выступлениях прозвучало требование немедленных демократических выборов в Сейм». А британский историк Энтони Кемп-Велч вспоминал в 2010 г.: «Даже мы, наблюдатели, смотревшие заседание с балкона, аплодировали стоя. Для меня это был исключительный момент истории, когда во имя нравственных принципов были отброшены ограничения «холодной войны» и необходимость осуществления *realpolitic*, а народам-соседям была предложена программа солидарности».

Провокационный и опасный документ

10 сентября «Послание» рассматривало политбюро ЦК КПСС. Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев расценил его как провокационный и опасный документ, который может вызвать волнения в социалистических странах, «активизировать группки разного рода отщепенцев». Он предложил, чтобы коллективы крупных советских предприятий дали «Посланию» отпор. Предложение, разумеется, поддержали другие члены политбюро — Тихонов, Горбачев, Гришин.

Не удивительно, что в ближайшие дни начались резкие нападки на «Послание». «Стихийные» митинги осуждения были организованы не только в Советском Союзе, но также в Болгарии, Чехословакии и в Венгрии. Провели, кроме того, акцию отправки писем протеста в Польшу. К пропагандистской кампании, разумеется, подключилась пресса. Первый залп 11 сентября дала газета «Правда» (орган ЦК КПСС). Газета, изменив название «Послания» и, тем самым, его адресацию, писала: «Открыто провокационным, наглым по отношению к социалистическим странам является принятое в Гданьске так называемое «обращение к народам Восточной Европы», содержащее призыв к борьбе с социалистическим строем». И ставился вопрос: «От имени кого, собственно, принято сие воззвание?» Тут же следовал ответ: «Известно, что антисоциалистическое сборище в Гданьске, которое именуют

«профсоюзным съездом», по существу явилось сходкой штатных работников аппарата «Солидарности», представителей контрреволюционных, антисоциалистических группировок КОС-КОР, так называемой «Конфедерации независимой Польши». Целый конгломерат контрреволюционеров различных мастей, включая агентов империалистических спецслужб, всех тех, кому ненавистны социализм, народная власть в Польше, ведут дело к подрыву основ польского социалистического государства, нарушению международных союзов ПНР, реставрации в конечном счете буржуазных порядков в Польше. Именно по их настоянию было принято это гнусное «обращение». Очень резко обрушилась на «Послание» пресса Чехословакии (особенно «Руде право») и Венгрии.

Посольство Чехословакии в Варшаве заявило польскому МИДу официальный протест в связи с ходом съезда. А 11 сентября 1981 г. в телефонном разговоре со Станиславом Каней, первым секретарем ЦК ПОРП, Брежнев не замедлил изложить интерпретацию «Послания», которую следовало считать обязательной. Брежнев расценил его как попытку «Солидарности» навязать свои бунтарские замыслы соседним странам и вмешаться в их внутренние дела. «Этот документ содержит немного слов, но все они имеют одну цель. Его авторы хотели бы вызвать беспорядки в социалистических странах, активизировать группы разного рода отщепенцев», — заявил Брежнев. И добавил: «Не знаю, что вы собираетесь предпринять в связи с этим провокационным выпадом, но я полагаю необходимым дать ему достойный отпор».

«Безрассудная провокация по отношению к союзникам»

Власти ПНР поначалу восприняли «Послание» довольно спокойно. Во время заседания политбюро ЦК ПОРП 8 сентября непосредственно об этом документе высказался только Юзеф Чирек, который заявил: «Принятое съездом «Послание трудящимся Восточной Европы» — это качественное новшество в тактике «Солидарности». И это требует официальной реакции». Как следует из сохранившегося протокола заседания, ни один из членов политбюро не возвратился, однако, к этому вопросу. Мало того, Казимеж Барциковский заявил, что съезд «не внес ничего чрезвычайного в ситуацию, все проблемы были известны раньше, все они лежат на линии радикализации “Солидарности”».

Однако руководители ПНР очень быстро переменили мнение. Причина была очевидной — позиция Советского Союза. В

номере за 11–13 сентября орган министерства обороны «Жолнеж вольности» сообщила об отрицательном отношении польского МИДа к посланию. 14 сентября эта газета, лидировавшая в пропагандистских нападках на «Солидарность», перепечатала статью из «Правды» трехдневной давности, содержащую резкие выпады в связи с документом, принятым на съезде, и напечатала статью полковника Ромуальда Дзвонковского, посвященную съезду и в особенности «Посланию». В ней можно прочесть, например: «На что же рассчитывали авторы этого документа? Они рассчитывали поссорить Польшу с соседями, посеять недоверие в отношениях между нашим обществом и народами братских социалистических стран (...). В том и состоит опасное по своим последствиям дело, в которое они сумели вовлечь большинство делегатов съезда, форсируя принятие этого документа, во всех отношениях вредного, бросающего мрачную тень на всё, что происходит в нашей стране с участием «Солидарности». Они нанесли болезненный удар по польскому пониманию государства, по интересам народа, по нашей мирной политике, краеугольным камнем которой является невмешательство во внутренние дела других стран, но наибольший вред они причинили многомиллионным рядам членов «Солидарности». Ибо не может вызывать доверия тот, кто каким-либо образом связан с подобными начинаниями. Такая позиция должна вызывать противодействие и протест любого честного, скажу более — разумного человека. Поэтому я могу утверждать со всей определенностью, что вдохновители этого документа — провокаторы и с ними следует бороться всеми доступными обществу средствами».

Двумя днями позже «Жолнеж вольности» опубликовал осуждающее письмо с московского автозавода имени Лихачева, напечатанное за несколько дней до того в газете «Трибуна люду», органе ЦК ПОРП, которая и позже возвращалась к «Посланию». В газете печатались письма и высказывания «московских рабочих», комментариев ТАСС, а также статьи из прессы социалистических стран. О «Послании» наконец официально высказалось политбюро ЦК ПОРП. В опубликованном 16 сентября заявлении партийные власти громыхали: «Это безрассудная провокация в отношении союзников Польши, взаимодействие с которыми является основным условием и гарантией стабильности и хозяйственного развития страны, ее территориальной целостности, безопасности и мира для нашего отечества». И оценка первого съезда «Солидарности» в заявлении политбюро была более чем резкой: «Ход и решения первого этапа съезда возвели в ранг официальной программы всей организации

авантюрные тенденции и явления, которые имели место в «Солидарности», хотя и казались крайними течениями. Тем самым оказались односторонне нарушены соглашения, заключенные в Гданьске, Щецине и Ястшембе. Их заменила программа политической оппозиции, которая угрожает жизненным интересам польского народа и государства».

Следствие

После введения военного положения органы госбезопасности, по всей вероятности, намеревались привлечь к суду авторов «Послания». В рамках расследования якобы заговорщицкой деятельности некоторых членов Всепольской комиссии независимого профсоюза «Солидарность» и Комитета общественной самозащиты КОР, которое начала 1 февраля 1982 года Главная военная прокуратура, выяснялся ход съезда, в том числе обстоятельства принятия «Послания». С этой целью допрашивались калишские деятели «Солидарности». Например, Леонард Мадейский, секретарь Межсоюзной согласительной комиссии в Острове-Великопольском, был допрошен на следующий день после введения военного положения. Активисту люблинской «Солидарности», члену Всепольской комиссии Александру Хшановскому во время допроса предложили охарактеризовать ход съезда и позицию каждого региона. Этот персонаж, будучи сексотом под кличкой Футболист, указал на Кароля Модзелевского как на инициатора «Послания», а постановку документа на голосование объяснил закулисными действиями советников «Солидарности»... Но в конечном счете в связи с «Посланием трудящимся Восточной Европы» обвинений никому не было предъявлено.

ПОСЛАНИЕ ТРУДЯЩИМСЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Делегаты, собравшиеся в Гданьске на I съезд делегатов независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность», передают рабочим Албании, Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Румынии, Венгрии и всех народов Советского Союза привет и выражение поддержки.

Как первый независимый профсоюз в нашей послевоенной истории, мы глубоко ощущаем общность наших судеб. Мы заверяем, что, вопреки лжи, распространяемой в ваших странах, мы представляем полноправное [в печатном тексте — «сложившееся». — Г.М.] десятимиллионное объединение трудящихся, возникшее [в печатном тексте — «организованное». — Г.М.] в результате забастовок рабочих. Наша цель — борьба за улучшение жизни всех людей труда. Мы

поддерживаем тех из вас, кто решился встать на трудный путь борьбы за свободное профсоюзное движение. Мы верим, что уже скоро ваши и наши представители смогут встретиться с целью обмена профсоюзным опытом.

ХВАТИТ РАБСТВА!

Вероятно, в феврале 1948 года доктор Здислав Михальский, ординатор варшавской Преображенской больницы, написал по-русски листовку, обращенную к советским солдатам^[1]. Ему было 56 лет, и он был весьма уважаемым врачом. Ожидалось, что в ближайшее время он будет утвержден в звании профессора. Ни с одной подпольной организацией он не был связан. А листовку он подписал именем мнимого претендента на царский трон.

Воины Красной Армии!

Тысячу лет назад ваши предки обратились к моим предкам Синеусу, Рюрику и Тривору: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами!» Прошла тысяча лет. Земля остается велика и обильна. Однако порядка в ней нет. Мало того — многострадальная земля русская лишена всяческой свободы. После февральской революции большевики взяли власть, провозгласив лозунг немедленного мира с Германией. Но октябрьская революция этого мира не принесла. Началась многолетняя жестокая гражданская война. Что происходит в России — вы прекрасно знаете. Россия — это один большой концлагерь. Несчастливая советская молодежь даже не понимает значения такого понятия, как свобода, свобода слова, свобода совести и личная свобода. После разгрома героической Красной Армией гитлеровских фашистов мир в мире не наступил. В Венгрии, в Румынии, в Чехословакии, в Польше и в Литве действуют установленные Сталиным правительства и гарнизоны вашей Армии, и ненавидят их почти так же, как недавнюю фашистскую оккупацию. Воины Красной Армии! Пусть вашими лозунгами станут:

1. Личная свобода, т.е. невозможность ареста без санкции суда.
2. Свобода слова, т.е. полная свобода печатного слова.
3. Свобода совести, т.е. абсолютная свобода политических убеждений!

Освободите поработанные народы — венгров, румын, так настрадавшихся поляков и литовцев — и идите походом на Москву, на Кремль! Красные воины! Существуют законы

истории, подобно законам природы. Любая диктатура, стремящаяся завоевать мир, заканчивается катастрофой для народов, которые ее устанавливают, и лично для диктаторов. Так было с Александром Македонским, так было с Вильгельмом, так было и в последней войне с фашистско-гитлеровскими оккупантами. И такая же судьба ждет большевицкую империю и ее диктатора Сталина, если этот старый человек доживет до окончания этой исторической страницы. Сталин ведет вас, несомненно, к войне с Северной Америкой. Война эта, в соответствии с законами истории, будет проиграна и принесет русской земле, которая столько выстрадала, новые беды. Неужели среди ваших вождей, которые так героически сражались с фашистско-гитлеровскими оккупантами, не найдется нового Дмитрия Донского, который сбросил татарское иго после 300 летнего его господства?! Пусть рассеянная по всему миру русская эмигрантская молодежь, молодые инженеры, врачи и прочие вернутся наконец на Родину!

Пусть русский народ сам себе установит форму власти и поставит во главе российской республики президента или республиканского царя!

Не убивайте своих противников, просто прогоните их. Пусть первым актом свободы будет акт христианского, православного прощения для всех направо и налево! Общая амнистия для всех от Романовых до Молотова! Пусть все русские люди вернутся на свою Родину, чтобы там жить, работать и дышать свободой!

Рим, 4 марта 1948 г.

Князь Иван Рюрикович

Автор этого апокрифа, более чем на тридцать лет опередившего послание «Солидарности» к трудящимся Восточной Европы, родился в Варшаве в 1892 году. Изучал медицину в Дерптском университете, где был активистом студенческой корпорации «Полония». Во время Первой Мировой войны служил врачом в русской армии. В 1916 г., по окончании офицерской школы пехоты в Одессе, вступил в Польскую стрелковую бригаду царской армии. Воевал на фронте. Во время революции перешел в санитарную службу Первого Польского корпуса Довбор-Мусницкого.

В межвоенный период он работал в варшавских больницах. В 1939 г. стал директором больницы Преображения Господня. В 1944 г. открыл в варшавском районе Грохув кафедру медицины Варшавского университета и с тех пор вел там занятия.

Написанную им в 1948 г. листовку он хотел переслать в Лондон, в британское Министерство иностранных дел. Он надеялся, что там ее напечатают а затем распространят в Восточной Европе. Текст должен был переправить знакомый доктора Михальского, офицер авиации Владислав Сливинский, который вскоре был арестован. 12 июня 1948 г. пришли и за автором воззвания. В то время, когда он подвергался жестоким допросам (в том числе пыткам), университет присвоил ему звание профессора.

Во время допросов ему пришлось более ста раз написать с самого начала свою биографию и пятьдесят раз переводить на польский язык текст листовки. Мы публикуем обратный перевод одного из вариантов, который сохранился в материалах суда, — его раздобыла дочь автора Магдалена Михальская. Оригинал на русском языке пропал.

4 декабря 1948 г. Военный районный суд в Варшаве приговорил Здислава Михальского к семи годам заключения. Владислав Сливинский как «резидент английской разведки» был приговорен к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение.

Спустя почти три года благодаря усилиям семьи тяжело больного доктора Михальского удалось освободить для лечения. В тюрьму он больше не вернулся, но его выселили из Варшавы в город Зелёна-Гура. Там он занимался медицинской практикой и писал воспоминания. В них он с юмором (в приключенческом жанре) описывал свою жизнь, все ее перипетии и то, как в результате одного отчаянного шага рухнула его карьера.

Михальский умер в 1960 году. Реабилитирован в 1990-м.

1. Русский оригинал листовки не сохранился. См. ниже. — Ред.

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ПЛАКАТА

— 22-я Международная биеннале плаката в Варшаве — за нами. Это первое, самое старое из подобных мероприятий в мире, а участвовать в нем пригласил в 1966 г. графиков со всего мира его создатель и организатор, профессор Юзеф Мроцак, один из ведущих представителей польской школы плаката. Что означает этот термин?

— Это термин, который мы считаем очевидным и всё время пользуемся им, но для меня слово «школа» ассоциируется со зданием и классами, тогда как на самом деле в то время в Польше было несколько выдающихся графиков, которым выпал момент полной творческой свободы несмотря на продолжавшую действовать цензуру.

В итоге польская школа плаката — это не что иное, как воздействие нескольких таких выдающихся индивидуальностей, как Генрик Томашевский, Тадеуш Трепковский, Эрик Липинский, позднее Ян Леница, Роман Цеслевич, Ян Млодоженец или Францишек Старовойский, а также круг их студентов. Ключевой фигурой был Генрик Томашевский, преподаватель варшавской Академии изящных искусств, — выдающийся график, который стал хорошо известен в Европе после его победы на одном из серьезных конкурсов: пять первых премий, завоеванных Томашевским на Международной выставке плаката в Вене в 1948 г., положили начало и международному интересу к польскому плакату, и успехам польских плакатистов.

Томашевский дебютировал еще до Второй Мировой войны, будучи студентом. В 1939 г. он завоевал первую премию на конкурсе на проект павильона польской промышленности на Всемирной выставке в Нью-Йорке и первую премию на конкурсе на барельеф к фризу фасада Главного вокзала в Варшаве.

В 1952–1985 гг. Томашевский руководил мастерской плаката в варшавской Академии изящных искусств — мастерской, слава которой вскоре перешагнула через границы Польши. На учебу к нему начали прибывать студенты со всего мира, больше всего из Франции — там прохождение стажировки у Томашевского стало считаться прямо хорошим тоном. Его метод, заключавшийся в постановке будущим художникам плаката разнообразных задач, которыми часто становились

абстрактные понятия, формировал прежде всего интеллектуальную восприимчивость, навыки логического мышления и воображение. Томашевский был не только выдающимся графиком, но и превосходным педагогом, он задавал студентам абстрактные темы, например «Большое ничто», «Малое ничто».

Он умел научить совершенно иному взгляду на графическое проектирование, одновременно не допуская того, чтобы его ученики впадали в манерность, подражая его творчеству, и добивался от них создания собственного творческого стиля и языка. Педагогическая практика Томашевского, основанная на тренинге и пробуждении интеллекта, а также на поисках новых решений, ломке стереотипов, неподчинении схемам и в первую очередь подчеркивавшая собственный, индивидуальный язык проектировщика, стала своего рода общим знаменателем польской школы плаката.

Он оставлял своих учеников наедине с их ремеслом; кроме того, следует напомнить, что Томашевский несомненно был одним из нескольких самых выдающихся в мире художников плаката второй половины XX века. Будучи уже весьма высоко ценимым и широко признанным автором, он в 1991 г. получил возможность устроить большую ретроспективную выставку в Стеделек-музее (Городском музее Амстердама).

Из свидетельств молодых голландцев мне известно, что многие приходили осматривать эту выставку по несколько раз, рассматривая это как превосходное вдохновение для своего собственного творчества. В моем собрании много плакатов Томашевского, и я очень этим горжусь. У него трудная графика, зачастую усложненная, которую можно воспринимать многими способами. Лично я предпочитаю те из его более поздних плакатов, где тема решалась путем синтеза и иногда — причем нередко — с первого взгляда это выглядело всего лишь как несколько штрихов, но, поглядев на эти плакаты, видишь, что они невероятно продуманы, и выясняется, что миллиметр или два имели для автора значение. Генрик был, впрочем, безумно требовательным как к самому себе, так и к полиграфистам или студентам, но это приносило великолепные плоды.

— В чём причина того, что у нас было так много замечательных графиков, а польский плакат стал так важен и даже прямо был окружен культом?

— Существенные преобразования в польском плакате датируются второй половиной 1940-х — главным образом

благодаря трем выдающимся графикам: Тадеушу Трепковскому, уже упомянутому Генрику Томашевскому и Эрику Липинскому, которым как раз в ту пору предложили делать плакаты к кинофильмам.

Тогда предпочтение отдавалось еще довоенному стилю графического проектирования — портретно-иллюстративному, зачастую банальному, обращающемуся к довоенной стилистике. Три графика, которых я только что назвал, первоначально отвергали поступавшие заказы, связанные с простым, чисто коммерческим изображением темы.

В своей работе они хотели предложить настоящую авторскую графику. Государственное предприятие по распространению кинофильмов, действовавшее непосредственно после войны под фирменным названием «Фильм польский» («Польское кино»), вскоре предоставило им полную творческую свободу. И это был выстрел в десятку, потому что вдруг оказалось, что можно сделать совершенно другие, целиком авторские плакаты.

Эти плакаты воздействовали на зрителя не одними только крупными портретами главных актеров из тех фильмов, для которых они делались. Если Томашевский или Трепковский и пользовались портретами, то синтезировали тему, стараясь произвести психологический анализ персонажа.

На мой взгляд, самой важной фигурой был Томашевский — благодаря завоеванному им международному признанию. С него началась всеобщая заинтересованность польским плакатом. Эрик Липинский — заметная личность, создатель многих плакатов, карикатурист, фигура любопытная и широко известная в польских художественных кругах. Несколько позабыта такая выдающаяся творческая индивидуальность, как Тадеуш Трепковский, который дебютировал до войны, сделав целый ряд туристических плакатов и чрезвычайно интересный цикл печатной продукции для Института гигиены. Это были плакаты, касающиеся безопасности и гигиены, — построенные на синтезе, прямо аскетические, причем настолько современные, что их можно было бы печатать даже сегодня и они бы не утратили ничего из своего воздействия.

Они трое составили своеобразный авангард и быстро нашли продолжателей — графиков, которые тоже хотели делать плакаты, предлагая свой собственный изобразительный язык. Парадоксально, что в Польше с 40-х годов все печатные материалы, произведения изобразительного искусства,

журналы, газеты, а также плакаты цензурировались. Каждый такой объект перед печатью и распространением должен был непременно получить цензурное разрешение, что было тогда стандартной процедурой; однако цензоры не вмешивались в художественное видение графиков.

Собственно говоря, исключая начало 50-х, графики располагали полной свободой в вопросах профессионального ремесла и могли дать выход своему воображению, благодаря чему возникали плакаты с совершенно разной стилистикой. Силой польского плаката было то, что его создатели обычно не пробовали льстить вкусам заказчиков или подстраиваться под них, — плакат был авторским видением своего создателя.

В мире быстро оценили польские плакаты, и они стали превосходным экспортным товаром. С 1960-х поляки начали путешествовать на Запад, и в некоторых кругах плакат сделался типичным сувениром из Польши. Да и иностранцы, отправлявшиеся в нашу страну, тоже покупали здесь плакаты, которые часто оказывались зачатком их будущих коллекций. За сущие гроши можно было предложить поклонникам этой сферы изобразительного искусства что-то, уже имевшее отличное реноме.

В известном и авторитетном швейцарском журнале «Графис», который посвящен профессиональной графике, польские плакаты появлялись очень часто и получали весьма высокие оценки. Я знаю из самых разных источников, что всевозможные польские плакаты нередко украшали на Западе стены архитектурных мастерских или графических студий, а также играли заметную роль в кинофильмах — как элемент сценографии. Два года назад я пошел в кино посмотреть французскую ленту семидесятых годов «Двое в городе» — главным образом ради того, что в ней фигурирует плакат Франека Старовейского.

— *Когда вы заинтересовались плакатом?*

— С плакатами я столкнулся в середине 1970-х, будучи старшеклассником. Культовой фигурой был тогда Францишек Старовейский, не только выдающийся художник: рисовальщик, график, живописец, плакатист, — но и вообще важная медиа-персона с репутацией скандалиста. А как художник он был далек от всяких направлений в искусстве и обладал своим особым стилем — как это ни парадоксально, слегка антиплакатным.

В моем окружении тогда была мода собирать плакаты — точно так же, как и читать латиноамериканскую литературу. Полагалось знать фамилии нескольких графиков. Плакаты чертовски приковывали внимание. Коммунистическая Польша — серые улицы, серые дома, серые люди и... пестрые, многоцветные плакаты со всяческой, крайне многообразной стилистикой.

Думая о польской школе плаката, мы сразу думаем о работах с выдающимися художественными достоинствами, но появлялось и много плакатов средних или даже плохих в художественном отношении. Большое количество хороших обязано оценкам специальных комиссий, в состав которых входили лучшие графики. Прежде чем направить проекты в печать, их подвергали вдумчивому анализу и обсуждению. Проектанты очень серьезно подходили к этому, что и обеспечивало высокий уровень работ.

Помню высказывание Франека Старовейского, который еще не так давно, за несколько месяцев до смерти, когда мы разговаривали о плакатах, говорил, что проектировать плакаты было для него и других графиков безумно важно.

— *Начало вашей коллекции — это...*

— Первым плакатом, с которого началась моя коллекционерская страсть, была сюрреалистическая афиша к «Скромному обаянию буржуазии» — французскому фильму 1972 г. в постановке Луиса Бунюэля. Его автором был как раз Францишек Старовейский.

Впрочем, это не до конца правда, потому что своим действительно первым плакатом я обзавелся, будучи еще маленьким, примерно 10 летним мальчишкой. В центре Варшавы, на тогдашней площади Дзержинского, находилась остановленная лет на 20 стройка высотного здания, и забор этой стройплощадки в течение десятилетий выполнял функцию своеобразной уличной галереи объявлений, извещений и плакатов. В конце 1960-х я, как и многие поляки, страстно увлекался Велогонкой мира. По сей день помню, что, стоя за спиной расклейщика афиш, я наблюдал, каким образом он развешивает плакаты к этому мероприятию. Мне ужасно хотелось занять такую афишу, но я стеснялся попросить у него экземпляр.

И тут он, словно ощущая мою тайную мечту, вдруг повернулся и спросил: «Хочешь?». Я кивнул головой, получил от него плакат и быстренько побежал домой, сжимая бесценную

добычу. Плакат несколько лет украшал стенку моей комнаты, а потом куда-то пропал. Спустя много лет, когда мне представился случай просмотреть все плакаты, которые выпускались к Велогонке мира, я оказался не в состоянии со стопроцентной уверенностью припомнить, какой же из них подарил мне тот расклейщик: память временами способна сыграть с нами скверную шутку.

— *Какие плакаты вы коллекционируете?*

— Мой интерес сосредотачивается главным образом на польском плакате; при этом я бы с большой охотой расширил свое собрание довоенных плакатов, но это чрезвычайная редкость, обычно дорогая либо очень дорогая.

Коль мы уж заговорили о довоенном польском плакате, есть смысл сказать, что стилистически он не очень-то отклонялся от тех работ, которые появлялись тогда в других европейских странах.

Случались весьма любопытные плакаты, очень много интересных плакатов в стиле ар-деко сделал Тадеуш Гроновский, несколько примечательных плакатов нарисовал Тадеуш Трепковский. Надо сказать, что вообще-то в довоенном польском плакате существовали два основных течения. Одно из них, в большей степени живописное, связано с Академиями изящных искусств в Кракове и Варшаве, второе возникло в начале 30-х годов, оно современнее, носит более графический характер и создавалось творчески настроенными графиками, связанными с Варшавским политехническим институтом.

— *Где коллекционеры ищут плакаты?*

— Когда-то, в 60-е годы, в Варшаве существовал в здании Национальной оперы особый магазин, где можно было купить плакаты, причем как те, которые издавались специально на продажу — например цирковые, — так и те, что магазин покупал у издателей из тиражей, предназначенных на рекламу кинофильмов, театральных спектаклей и т.п. Это были так называемые хвосты, то есть экземпляры, почему-то не использованные в пропаганде либо рекламе.

Это было первое место, предлагавшее покупателям польские художественные плакаты; позднее появилось несколько специализированных галерей и магазинов.

Часто удавалось доставать плакаты и от расклейщиков — покупая у них листы за небольшие деньги. Этим методом — не

до конца легальным, но чего только не сделаешь для обогащения коллекции — пользовались многие собиратели. Максимум возможностей создал интернет, благодаря которому теперь нет проблем при контактах с другими коллекционерами, при обменах и продаже.

— Для вас коллекционирование плакатов стало образом жизни, вы не только торговец, но и выдающийся эксперт в области плаката и дружите со многими художниками.

— Я любил плакаты и в небольших масштабах коллекционировал их с середины 70-х, однако в 1980 г. начал — отчасти случайно — работать в Галерее графики и плаката в Варшаве. Но даже тогда у меня и мысли не было, что плакат станет таким существенным, доминирующим элементом моей жизни.

Галерея занималась экспонированием, пропагандой и продажей различной бумажной продукции: плакатов, станковой графики или же классической графики — подписанной и нумерованной. Я занялся плакатами, и... это стало переломным моментом в моей жизни.

Я предполагал, что проведу там год, может быть два, а остался надолго, сначала как сотрудник, а позднее, уже после 1990 г., — как совладелец галереи.

Это была чудесная возможность личного знакомства с создателями плакатов, а также привлечения их работ в свою коллекцию. В течение многих лет работы я смог познакомиться и подружиться с большинством выдающихся польских графиков, и часть из них щедро одаряла меня своими листами, обеспечивая тем самым быстрый рост коллекции.

Работа в галерее давала мне контакты, которые часто перерастали в дружбу. У меня была возможность бывать в мастерских, осматривать неосуществленные проекты, наброски или эскизы к плакатам, а также знакомиться с архивами.

Эти контакты не только расширяли мои познания, но и вызывали всё больше симпатии к плакатам. Коллекция разрасталась молниеносно. Несколько десятков плакатов быстро превратились в несколько сотен, потом в несколько тысяч, несколько десятков тысяч. Воодушевляемый графиками, коллекционерами и поклонниками искусства плаката, а отчасти из желания поделиться всем этим, я начал устраивать всяческие выставки.

И сейчас эта деятельность стала моей величайшей страстью и образом жизни. После ухода из той галереи я создал виртуальную галерею. Она представляет собой превосходный способ популяризации польского плаката, налаживания контактов и создает новые возможности приобретать плакаты.

— *Насколько велика коллекция, которую вам удалось составить?*

— Вот прямо сейчас — около 20 тысяч плакатов. Если говорить о польском послевоенном плакате, то я располагаю большинством самых существенных позиций.

— *А какая тематика вам ближе всего?*

— Я никогда не ограничивался какой-то одной конкретной темой. И, хотя мне ближе всего всегда была культурная тематика, в моей коллекции есть и совершенно удивительные плакаты, например пропагандистские или социальные.

В Польше пропаганда имела особые масштабы, печаталось огромное количество политических плакатов, и часть из них — это выдающиеся графические произведения. Трепковский, который был одним из создателей школы польского плаката, умер слишком рано, в 40 лет, и за последнее десятилетие своей жизни, в 1945–1954 гг., запроектировал несколько десятков плакатов, графически выдающихся, но идейно для меня отвратительных.

Тема никогда не определяла отбора работ для моей коллекции. У меня есть много плакатов, касающихся, например, охраны труда и техники безопасности, в том числе антиалкогольных. Рассчитанные по замыслу на то, чтобы отбивать охоту к выпивке, они порой толковались наизуоборот и веселили публику, часто становясь саркастическим подарком. Создавались также другие превосходные плакаты, затрагивающие эту тему. Мартин Мрощак, сын выдающегося графика проф. Юзефа Мрощака — автора замысла Международного биеннале плаката в Варшаве, — запроектировал цикл плакатов, которые адресовались рабочим и должны были напоминать им о технике безопасности и охране труда, например, о необходимости избегать перегрузок при работе с большими тяжестями. На одном из его плакатов представлены молодожены — новобрачный поднимает невесту, и это сопровождается подписью: «Даже самый сладостный груз поднимай правильно».

У меня есть большое собрание спортивных и цирковых плакатов. Цирк в плакате — это вообще было особое явление:

цирковых плакатов было несколько сот, а может быть, и свыше тысячи; их, собственно, проектировали практически все художники, однако большинство таких работ никогда не использовалось для рекламы цирковых зрелищ. Их печатал огромный государственный издательский концерн, предоставляя многим молодым графикам возможность проектировать и издавать плакаты. Собственно, без особого обоснования. Со временем эти плакаты стали экспортным товаром, который продавался в польских учреждениях за границей, так что для многих людей на Востоке и Западе цирковой плакат стал синонимом польского плаката.

Обычно, когда я устраиваю выставки за границей, то с большим удовлетворением встречаюсь с людьми, которые ранее уже столкнулись с польским искусством плаката.

— А как сегодня обстоят дела с польским плакатом?

— Мир вокруг нас меняется, меньшей становится потребность в плакатах как средстве распространения информации.

В Польше плакат функционировал в больших масштабах вплоть до 90-х годов. Еще в 80-е плакаты создавались к каждой картине, выходявшей на экраны. Даже если это не всегда был самый высокий уровень, такая издательская закономерность постоянно давала надежду на новые, интересные плакаты.

После 1990 г. новые дистрибьюторские фирмы практически отказались от авторского графического плаката в пользу банальных фотоматериалов. Так послевоенная история польского плаката проделала полный круг — мы вернулись к плакату, который информирует о фильме, пользуясь обычно для этого портретами главных героев. Немногочисленные киноплакаты выпускаются по большей части к нишевым фильмам, распространением которых занимаются малые дистрибьюторские компании. Театральные, выставочные или общественно-политические плакаты тоже печатаются, но их значительно меньше, чем когда-то. Высокие затраты при их экспонировании на городских носителях становятся причиной того, что их удастся увидеть всё реже.

— Какая из выставок, организованных вами в последнее время, принесла вам наибольшее удовлетворение?

— Я организую много всяких выставок, одной из таких весьма особенных экспозиций была выставка, которую я подготовил, желая включиться в празднование Шопеновского года. «Шопен

в плакате. 1948–2010» — это выставка, посвященная выдающемуся польскому композитору Фредерику Шопену.

Выставка носила обзорный характер — она охватывала работы 1948–2010 гг., показывая оригинальные листы нескольких десятков самых лучших изданий, связанных с шопеновской темой. Их возникновением мы обязаны трем главным шопеновским мероприятиям: регулярным варшавским фортепьянным конкурсам, а также фестивалям в Антонине и Душниках-Здрое. В истории плаката самый крупный след оставил Международный конкурс пианистов им. Фредерика Шопена. Вместе с ним, особенно после Второй Мировой войны, возросла популярность композитора и число произведений искусства, вдохновленных его творчеством. Шопеновские плакаты проектировали многие из самых выдающихся создателей польской школы плаката: Тадеуш Трепковский, Генрик Томашевский, Роман Цеслевич, Кароль Сливка, Вальдемар Свежий, Ян Млодоженец, Ян Савка, Лех Маевский, Януш Станный, Анджей Понговский, Рафал Ольбинский. На выставке можно было увидеть и одиночные плакаты: выставочные, рекламные и к кинофильмам, в том числе созданную для фильма «Любовные мечты» уникальную работу Эдварда Гуйского (1948). Наряду с произведениями выдающихся плакатистов Рослава Шайбо, Анджея Понговского или Стасиса Эйдригявичюса были выставлены скромные афиши, обладающие сентиментальной ценностью, однако необязательно художественной. Тем не менее это полностью оправдано, так как речь здесь идет не только о спорах по поводу художественного уровня, но и о демонстрации того, каким образом на протяжении многих лет показывали Фредерика Шопена.

Сверх того я устраиваю разные другие выставки, связанные с польским джазовым или туристическим плакатом, а также персональные выставки, представляя творческое достояние многих польских графиков. За последние два–три года я организовал несколько десятков выставок. Больших и малых, и в таких местах, как, например, Варшавская филармония, и в небольших домах культуры либо в кафе. Я радуюсь возможности экспонировать работы из своей коллекции, делиться тем, что составляет мою страсть. Выставочная деятельность позволяет мне знакомиться с людьми, имеющими схожие интересы, я нахожу партнеров для дальнейшей деятельности.

— *Проводите ли вы выставки за границей?*

— Я сотрудничаю со многими учреждениями в Польше, но и с заграничными партнерами тоже. Хороший плакат — это художественное свидетельство определенного видения и креативности его создателя, точно такое же, как картина или скульптура, и потому он представляет собой произведение, которое может заинтересовать любого зрителя, независимо от страны. Часто для посетителя выставки, не знающего польского языка, плакат оказывается своеобразным ребусом, расшифровать который можно, связывая, например, фамилию драматурга или режиссера с пластическим видением проектировщика. Из числа крупных выставок, которые доставили мне особое удовлетворение, могу, например, упомянуть сразу три, организованные в Американском Польском музее в Чикаго: «Польские плакаты. 1950–1970», «Американские кинофильмы в польском плакате», «Некоторые любят покраснее. Польский политический плакат. 1945–1990».

— *Вы обращаете особое внимание на художественную ценность, информативность и форму плаката. Почему это так важно?*

— Плакат всегда обращался к своему времени, он прекрасно изображал самые разные перемены — социальные, политические, общественного строя, обычаев и нравов.

Плакат должен обращать внимание, интриговать, приглашать — должен уметь на минутку нас задержать.

Плакат представляет собой нечто большее, чем только форму передачи какой-либо информации, идеи или рекламы, — это знак, дух и запись тех времен, в которых он возникает.

Беседовала Сильвия Кшемяновская

Посмотрите плакаты из коллекции Петра Домбровского

Петр Домбровский — коллекционер, эксперт в области польского плаката, профессионально связан с этой сферой искусства с 1980; в 1981–1997 был одним из руководителей варшавской Галереи графики и плаката. Соучредитель International Vintage Poster Dealers Association (Международной ассоциации торговцев коллекционными плакатами) — международной организации с местопребыванием в Нью-Йорке. Владелец существующей с 1997 самой крупной интернет-галереи польского плаката www.theartofposter.com, где предлагается 6500 плакатов 1899–2010. Организатор выставок, издатель плакатов и каталогов, страстный

собиратель, постоянно пополняющий и развивающий свою коллекцию.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

9 февраля, в хмурый морозный день, жители Кракова, а вместе с ними вся Польша прощались со скончавшейся 1 февраля Виславой Шимборской. В соответствии с волей поэтессы, церемония носила светский характер. Траурную церемонию на Раковицком кладбище вел актер Анджей Северин. С Виславой Шимборской прощались друзья, толпы читателей, а также представители высшей государственной власти: президент Бронислав Коморовский с супругой, премьер-министр Дональд Туск, маршалы Сейма и Сената — Эва Копач и Богдан Борусевич, министр культуры Богдан Здроевский, а также президент (мэр) Кракова Яцек Майхровский.

Почести великому поэту воздал президент Польши:

— С Виславой Шимборской нелегко прощаться: мы знаем, как она не жаловала официоз, как избегала всяких церемоний, не любила речей и учила нас говорить, как говорит обычный человек, — просто, кратко и искренне, но не скрывая своих чувств и эмоций. Непросто с нею прощаться. Я хочу подчеркнуть только, что она оставила нам великий дар, оставила записанное в стихах умение замечать вокруг себя обычные проявления красоты и радости мира. Проявления важные, достойные удивления, переживания, иногда улыбки и иронии. Мы прощаемся с Виславой Шимборской, поэтом радостной стороны мира.

Прочувствованно говорил об умершей близко друживший с нею поэт Адам Загаевский:

— Она пережила страшную войну, познала два тоталитарных режима, но не избрала молчание. Она выбрала такой способ говорить, который не становился болтовней. Была поэтом сокровенным, ироничным, иногда трагическим. Именно это и есть гуманизм. Она была из Польши, из той Польши, которая толерантна и открыта. Из многонациональной Польши. Для знакомых была Висей, Висёлкой. Жила среди людей. Имела дар писать для одиноких и влюбленных, влюбленных счастливо и несчастливо. У нее есть стихотворение «О смерти без преувеличения». Вроде бы этим она упростила нам задачу, но это не так: уход друга не перестанет быть болью. Слова помогают, но не сразу. Нужно время. Она пришла к нам лишь однажды, но мы любили ее очень лично и очень сильно.

Личный секретарь поэтессы Михал Русинек обратился прямо к ней:

— Дорогая пани Вислава! Глядя на то, что здесь происходит, слушая то, что говорят, я задумываюсь: а что бы вы сказали? Наверное, вы бы подумали, что все эти люди здесь случайно, что их что-то задержало по дороге на футбол. Или с искоркой в глазах перефразировали бы свое стихотворение, которое в последнее время так часто цитируют: «Ну, истинный князь Северин». Я надеюсь, что вы за всё это на нас не сердитесь. Здесь столько людей, которые, зная о вашей нелюбви к высоким словам, никогда не отважились сказать вам напрямую, как они вам благодарны за то, что вы есть, за чувство юмора, за вашу единственную в мире улыбку. Я благодарю вас от их и от своего имени. Вы говорили перед смертью, что прожили длинную и интересную жизнь. Любопытно, а что вы делаете сейчас? В пессимистическом варианте, говорили вы, буду сидеть за столом и писать посвящения. В оптимистическом — на небе любимая вами Элла Фицджеральд, вы, наверное, ее слушаете, попивая кофе и покуривая. Но вы всё еще с нами. Вы нам многое оставили прочесть.

Процессия следовала за урной с прахом Виславы Шимборской под льющиеся из динамиков звуки «Black Coffee», шедевра ее любимой Эллы Фицджеральд. Был мороз, падал крупный снег, но, несмотря на это, на кладбище пришло восемь тысяч человек. Ровно в полдень с башни Марьяцкого костела услышали не обычный сигнал, а «Ничто не случается дважды» — мелодию, которую Анджей Мундковский написал в шестидесятые годы на стихотворение Виславы Шимборской. Музыка прозвучала в исполнении первой трубы «Capella Cracovienses».

Живущий в США 44-летний боксер Анджей Голота не появился в Кракове, но прислал венок из 89 роз (столько лет исполнилось бы в июле нынешнего года нобелевскому лауреату). Он послал также, быть может, беспомощное, но трогательное стихотворение: «Мне не хватает тебя в моем углу, / Хотя ты никогда не ступала по рингу. / Останутся стихи. «Спасибо» за это мало...» Вислава Шимборская была поклонницей боксера, смотрела его поединки, писала «боксерские» стихи. Однако они никогда не встречались.

Вечером в день похорон в Краковском музее современного искусства МОСАК Виславу Шимборскую вспоминали ее друзья. Встречу вели Ежи Ильг, главный редактор издательства «Знак», и литературовед Тереса Валяс. Поэтессу вспоминали Юлия Хартвиг, Эва Липская, Уршуля Кóзёл, Иоанна Щенсная, Анна

Биконт, Рышард Крыницкий, Адам Загаевский и Михал Русинец, из Швеции приехали Леонард Нейгер и Андерш Бодегард. Частью вечера был также концерт трубача Томаша Станько и пианиста Мартина Василевского.

Любители поэзии Виславы Шимборской сейчас ждут последней, уже объявленной издательством «а5», книги ее стихов. Сборник называется «Довольно» и содержит 13 произведений. Большинство из них уже было опубликовано в литературной периодике, а последнее — в «Газете выборчей» сразу после смерти поэтессы. «Вислава Шимборская до конца работала над стихами, определяла их расположение в этом новом сборнике и по мере возможности встречалась с друзьями», — сказал Михал Русинец, секретарь нобелевского лауреата.

Литературной сенсацией нынешней зимы стал «Тайный дневник» Мирона Бялошевского, изданный через 29 лет после смерти поэта. Огромный (более 900 страниц) том опубликовало издательство «Знак». Дневник поэта состоит из трех частей: «Добавочное содержание», «Отправление» и «Ухудшение». Записи охватывают 1975–1983 годы. Тадеуш Соболевский в предисловии к дневнику Бялошевского пишет: «Мирон рассказывает о приключениях своей жизни отчасти как пришелец, который оказался «вставленным в этот мир». Явь, сон и воспоминания — всё это, переданное с невероятной выразительностью, сплетенное в один узел, создает нечто вроде многосюжетного романа о самом себе. Записи, начатые в 1975 г. и продолжавшиеся почти до самой смерти, первоначально импровизировавшиеся на магнитофон, несут выразительную, особенную черту творчества Бялошевского — наглядность. Этот дневник действует перед нами. Творчество Мирона, его дневник — это взгляд на себя извне и борьба за себя, за познание того, кто ты есть. Лет в 15–16 он впервые осознал свою гомосексуальность. В дневнике написано, как он познавал самого себя. Если бы он жил в Париже или Нью-Йорке, никто бы не спрашивал, с кем он спит, во сколько встает и как одевается. А он, между тем, жил в ПНР, в Варшаве».

Одновременно с «Тайным дневником» Белошевского вышла книга эссе Тадеуша Соболевского «Человек Мирон» — отчасти личные воспоминания о самом поэте, а также портрет среды, которая вокруг него формировалась.

В февраля в Польшу приехал Мариуш Вильк, польский писатель-бродяга, который с 1989 г. живет на дальнем севере России и сделал его главной темой своего творчества. В ходе авторских встреч — из Варшавы через Лодзь, Гдыню, Ольштын,

до Сейн и Красногруды — он представлял свою последнюю книгу «Летят гуси», вышедшую в издательстве «Noir sur Blanc». Автор составил ее из трех сюжетов: истории города Петрозаводска, описания вылазки на канадский полуостров Лабрадор (по следам американского писателя и путешественника Кеннета Уайта) и романа о возвращении в современную Россию. Эта последняя часть (названная «Зазеркалье») посвящена главным образом радостям позднего отцовства. Описаны огромные перемены, произошедшие в жизни и сознании писателя: «В августе Мартуся пришла в мир, и мир перевернул меня вверх ногами, то есть я перевернулся. Хотя некоторые знакомые говорят, что наоборот — встал на ноги. Как бы то ни было, а всё на свете изменило свой вид». «Летят гуси» — это очередное звено «Северного дневника», который Вильк пишет много лет.

17 февраля на экраны вышел последний фильм Малгожаты Шумовской «Sponsoring», поднимающий муссируемую тему проституции среди студенток. Журналистку, собирающую материалы на эту тему для журнала «Эль», сыграла Жюльетт Бинош.

Звезда французского кино рассказала о своей роли в интервью с Барбарой Холлендер («Жечпосполита»):

— О проституции среди студенток пишут и говорят всё чаще. Люди удивляются, как так происходит, что молодая интеллигентная женщина начинает продавать свое тело — иногда, чтобы прожить, а иногда, чтобы обеспечить себе определенный комфорт. Анна — журналистка, которую я играю — хочет подготовить материал на эту тему и договаривается с двумя такими студентками. Она предполагает, что будет разговаривать с жертвами. Но встречает не рабынь, у которых сутенер забирает 80% заработка, а эмансипированных молодых женщин, к тому же получающих от своего занятия удовольствие. Анна ощущает себя так, словно ее ударили в лицо.

Малгожата Шумовская еще более выразительно определяет явление в беседе с Тадеушем Соболевским («Газета wyborcza»):

— Я поняла, что не могу делать репортаж об эксплуатации женщин. Это фильм о мужчинах и женщинах, об особом подходе к сексуальности. Или это поколенческий вопрос? Я смотрю на молодое поколение, и меня удивляет в нем отсутствие бремени, которое было у нас, воспитанных в пуританском коммунизме и католицизме. У нас в эти вопросы

впечатан моральный барьер, которого молодые вообще не чувствуют.

В фильме снялись также Кристина Янда, Иоанна Кулик и Анджей Хыра. Съемки велись в Париже и Кельне. Оператор Михал Энглерт, музыку написал Павел Мыкетин. Мировая премьера фильма состоялась на 36 м Международном фестивале в Торонто, а на «Берлинале» нынешнего года «Sponsoring» открывал раздел «Панорама».

В познанском Большом театре продолжается... «Год Мужчин». В числе событий Года новейшая премьера — «Лебединое озеро» в постановке Кеннета Грива (род. 1969 в Дании), одного из самых известных танцоров своего поколения (первые шаги он сделал под руководством Барышникова в «Нью-Йорк Сити Балете», а затем был ангажирован в Парижскую оперу Рудольфом Нуриевым), хореографа, директора Национального балета Финляндии.

— В музыкальном отношении это сокращенная редакция, я не использовал всей музыки, которая есть у Чайковского. Три с половиной часа, как мне кажется, слишком много, — сказал Грив. — Редакция сокращенная, но хронология картин останется той же. Классический балет, с уважением к хореографической традиции, но в современных костюмах.

В чем еще состоит новаторство спектакля, Грив рассказал в интервью познанскому изданию «Газеты выборчей»:

— Я никогда не понимал, почему в этом балете мужчина влюбляется в птицу. Не мог этого принять: очарованность птицей — что-то слишком странное. Мне кажется, что Зигфрид влюбляется в женщину, которой не может обладать. Ведь он князь, а Одетта — простая девушка, даже, быть может, крестьянка. Так что он мечтает о ней, представляя ее себе как улетающую птицу.

Познанская премьера «Лебединого озера» состоялась 17 февраля.

23 февраля, к 125-й годовщине со дня рождения и 30-летию кончины одного из самых выдающихся польских музыкантов, состоялся концерт «В честь Артура Рубинштейна». В Бальном зале Большого театра — Национальной оперы выступила украинская пианистка Анна Федорова, известная меломанам, в частности, своим выступлением на последнем, 16 м Международном Шопеновском конкурсе в Варшаве (2010). В ее исполнении прозвучали произведения Доменико Скарлатти.

Выставка «Лица и ладони» в Еврейском историческом институте в Варшаве извлекла из забвения Юлию Пиротт — необычайную личность с удивительной биографией, фоторепортера, автора сотен прекрасных снимков. Юлия Пиротт (1907–2000) родилась в Консковоле близ Люблина в бедной семье польских евреев. С ранней молодости она включилась в коммунистическую деятельность, за принадлежность к компартии четыре года провела в польских тюрьмах. В тридцатые годы укрывалась в Бельгии, во время Второй Мировой войны участвовала в движении Сопротивления на юге Франции. О ее недюжинном таланте документалиста свидетельствует подборка фотографий марсельского восстания 1944 года.

Вернувшись в Польшу, она единственная задокументировала в фотографиях еврейский погром в Кельце в 1946 году. Это уникальное свидетельство было конфисковано и, похоже, уничтожено органами госбезопасности. Как сообщала художница, из 118 снимков сохранилось 16. Сохранились также ее фотографии, выполненные в 1948 г. во время Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве. На них запечатлены тогдашние левые светочи науки и культуры: Ирен Жолио-Кюри, Поль Элюар, Пабло Пикассо (весьма мрачный после атаки, предпринятой на его творчество глашатаями соцреализма), датский писатель Мартин Андерсен-Нексе, из русских — писатель Леонид Леонов и режиссер Всеволод Пудовкин.

«Лица и ладони» — первая в Польше ретроспектива Юлии Пиротт — включает около ста оригинальных фоторабот. Это прежде всего портретные снимки, среди них много образов детей — из Марселя, Щрудборова, Отвоцка. И еще портреты Эдит Пиаф, Юлиана Тувима, а также сестры художницы — красавицы Марыси (Миндли) Диамент, которая в августе 1944 г. была гильотинирована немцами в тогдашнем Бреслау.

Выставка в Еврейском историческом институте проходит с 16 февраля по 20 мая. Издан тщательно подготовленный альбом-каталог.

Прощания

3 февраля на 75-м году жизни в Кракове скончался профессор Анджей Щеклик, один из крупнейших польских медиков, врач и ученый с мировым именем, выдающийся гуманист. Он слушал музыку, читал стихи и писал книги, которые становились бестселлерами: «Катарсис» (2002, с предисловием Чеслава Милоша; глава из этой книги напечатана в «Новой

Польше», 2008, №12) и «Кора» (2007). В этих книгах Щеклик рассматривал связь между медициной и искусством. «Кора» была выдвинута на литературную премию «Нике» в 2008 году. Профессор Щеклик лечил известнейших польских писателей, в том числе нобелевских лауреатов Чеслава Милоша и Виславу Шимборскую. В предисловии к «Коре» благодарность ему выразил за это Адам Загаевский. Щеклик опекал также артистов из «Погребка Под Баранами». «Он понимал художников, потому что сам был художником. Медицина в его исполнении определено была не ремеслом, а искусством. Творческие люди могли вести свою не всегда здоровую жизнь, потому что много лет о них заботился он, не раз спасая от опасности», — вспоминает Славомир Загорский на страницах «Газеты wyborчей».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Как же не люблю я этой болтовни, тянущейся, как минимум, два столетия и поддерживаемой цитатами из Тютчева или Блока, о таинственной и неподвластной разуму, сфинксовой сути России. Страна как страна, истории всего лет четыреста-пятьсот (что, безусловно, позабавит китайцев), потенциал огромный, но неиспользуемый, люди прекрасные, хотя, конечно, не все, а вот политики... Что ж, я особенно от других не отличаюсь, о чем метко пишет Адам Даниэль Ротфельд, один из самых пронизательных умов не только польской, но и европейской политической мысли, в статье «Кроме ракет и бомб», недавно опубликованной в «Газете выборчей» (2012, №29). Вот что в ней можно прочесть в связи с предстоящими в этом году выборами в России, Франции и США:

«Сегодня для многих политиков власть — самодовлеющая ценность. Они прибегают к демагогии и национализму. Россия не исключение. Збигнев Бжезинский в своей последней книге «Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power» пишет, что русские разделяют западные ценности, но их политическая система этих ценностей не выражает. Протесты на улицах российских городов — это отражение противоречия между сознанием нового поколения и политической системой, которая блокирует развитие. Россия и Турция должны быть включены в евроатлантическую систему безопасности. Верхи России стремились бы к тесным связям с Евросоюзом и НАТО, но не хотят внутренних реформ, которые упростили бы такие связи. Однако сближение с Западом произойдет в течение 20 лет, считает профессор Бжезинский. России нужен Запад, а Западу нужна Россия. Но такая Россия, чья политическая система будет опираться на общие ценности: на главенство закона и уважение принципов демократического государства. (...) Не все страны евроатлантического пространства разделяют такие ценности, как политический плюрализм, демократическое правовое государство, свобода прессы и уважение прав человека. Даже если на словах они их признают, то в политической практике отбрасывают. Возвращается риторика «холодной войны»: дескать, главенство принципа невмешательства во внутренние дела обосновывает «суверенную демократию». Если же, однако, общие ценности,

помимо общих интересов, не будут уважаться, единство безопасности окажется муляжом. Неуверенность и утрата доверия управляемых к управляющим привели к тому, что во многих странах Европы нарастает ностальгия по национализации безопасности, происходит возврат к национальным нишам. (...) Необходимо признать, что в вопросе безопасности Запада и России уменьшается роль военного фактора, а будущее зависит от доверия. Положение сложное: Россия планирует в ближайшее десятилетие увеличить военные расходы на 600 млрд. долларов, в то время как США объявили об их снижении на 500 с лишним миллиардов. Кроме того, следует достичь сотрудничества между конфликтующими сторонами: Россией и ее соседями, Турцией и Арменией, Молдавией и Приднестровьем. (...) Главное яблоко раздора между Западом и Россией — противоракетная оборона. Позиция России здесь анахронична, всё еще слышится шантаж применением силы; в ноябре 2011 г. президент Медведев вновь объявил о размещении новых ракет в Калининградской области. Выход из тупика предлагает группа политиков и генералов, которую в рамках EASI [Евроатлантической инициативы безопасности] возглавляли бывший шеф Бюро национальной безопасности США Стив Хэдли, бывший министр обороны Германии Фолькер Рюэ, и бывший глава российской разведки Вячеслав Трубников. Чтобы достичь сотрудничества Запада с Россией в области противоракетной обороны, авторы выдвигают, в частности, общую программу предотвращения угроз, которые создают ракеты средней дальности (до 4,5 тыс. км). НАТО и Россия должны создать общие центры обмена информацией, а каждая из сторон охраняла бы свои территории, что даст возможность перехватывать пролетающие над ними ракеты, направленные против партнеров».

И, наконец, слова, которые стоит запомнить, особенно первую фразу: «Мир изменяется быстрее, чем наша способность понять эти перемены. Нового места ищут для себя США, Китай, Россия. Центр мировой политики перемещается из Европы и Атлантики к Азии и Тихому океану. О роли Европы примут решение европейцы. Сегодня, однако, они заняты собой. Для них важнее финансовый кризис, чем вопросы военной безопасности. Когда политикам недостает способности откликаться на перемены, всё большее значение приобретают неформальные объединения (...) — независимые люди, обладающие смелостью инновационного мышления. Мир, который мы знаем, уходит в прошлое. Вырисовываются контуры нового глобального порядка — по мере новых требований. К ним относится фундаментальное изменение

роли индивида и общества в новом киберпространстве. На бирже политических идей растет спрос на воображение и разум».

Всё так, да только можно было это предвидеть давно, и давно уже предугадывалось. В восьмом номере подпольного журнала «Запис» за 1978 г. Яцек Бохенский, выдающийся репортер и прозаик, прекрасно знающий античный мир (о чем свидетельствует, например, его недавно изданный роман «Тиберий Цезарь»), писал в очерке «Независимость среди человечности»:

«В среде польской интеллигенции всё еще мало кто заметил, что мировым центром тяжести перестал быть Париж, что, более того, перестают ими быть Вашингтон и Москва, что этот центр уже в не слишком определенном и неслыханном месте — отчасти в Азии, отчасти в Латинской Америке, а может, и в африканском буше».

Это не пророческие слова, а всего лишь результат внимательного наблюдения за переменами в мире, который никогда не пребывает в той форме, в которой мы его сию минуту застаем, — достаточно полистать исторические атласы, это очень поучительный урок. Сегодня же, когда глобальная Сеть изменяет межчеловеческие отношения, мы имеем дело с переменами, которых, как точно замечает Ротфельд, политики (не только польские) не умеют понять даже частично, — тем опаснее те политики, которые, в своем подавляющем большинстве, всё еще мыслят в категориях национального государства, возникших в XIX веке. Столь же существенной, как изменение межчеловеческих отношений, становится сегодня перемена отношений между государствами. В опубликованных на страницах «Новой Восточной Европы» (2012, №1) материалах дискуссии «Мы всё еще мало знаем о России» с участием Аркадиуша Кудельского, Влодзимежа Мартиняка и Иеронима Грала последний подчеркивает:

«В последней четверти XIX века одной из главных директив модернизирующейся японской дипломатии был простой императив: узнай врага. Я воспользуюсь этой формулировкой, которой, впрочем, не разделяю, ибо так рассматривает Россию немалая часть польских политических верхов и определенная часть общества. Выполняется одно из условий: враг обозначен. Но не выполнено условие «узнай». Мы о России всё еще знаем мало. Если провести инвентаризацию того, чем мы располагаем, то окажется, что дело совсем скверно. Специалисты, занимающиеся Россией, составляют скромную группу. Мы заложники довольно пренебрежительного

отношения к противной стороне, существующего веками. Увы, ничего хорошего это никогда не приносило. (...) Мы не умеем задействовать множество людей, которые хотят познавать Восток, и готовить их так, чтобы они потом стали полезны государству. И это одна из серьезных проблем: кто же должен объяснять обществу, что такое Россия, меняется она или нет, а если меняется, то в какую сторону? Этого нельзя сказать о российской дипломатии. Там кадры лучше подготовлены, и это создает небезопасный дисбаланс».

В.Мартиняк добавляет: «О России у нас говорится много, но ее мало исследуют. Недюжинного усилия потребует преодоление нашего пренебрежительного отношения к России, создающего познавательный барьер».

В ходе дальнейшей беседы И.Граля подчеркивает: «Каждые два года проводится год польской культуры в России или российской в Польше. Однако скажем прямо: польская культурная политика в России не имеет стратегии. И никогда не имела. Не знаю, существует ли какое-то связное представление о пропаганде польской культуры в мировом масштабе, но в случае с Россией поручусь, что его нет. (...) Мы говорим, что открываемся России благодаря польской культуре, а Польский культурный центр в Москве запрятан за высоким забором посольства. Польский институт в Петербурге не имеет правового статуса и помещается в консульстве. (...) Россия — это не только Петербург и Москва, но еще и провинция. То, что может показаться не столь уж привлекательным в Москве и даже в Петербурге, всё еще привлекательно в Красноярске, Иркутске, Туле или Орле. Мы должны туда добраться. В особенности потому, что из этих провинциальных центров тоже рекрутируется элита России».

О том, что всё же продолжают усилия, направленные на познание России и приближение к полякам ее современных проблем, свидетельствует мощное эссе Ежи Несёбендского «Лев Толстой и русские европейцы», помещенное в гданьском ежеквартальном журнале «Миготаня» (2011, №3–4). Этот очерк, впрочем, вписывается в то направление исследований, которое прекрасно представлено в изданной в 2008 г. книге Тадеуша Сухарского «Польские поиски «иной» России. О русском течении в литературе Второй эмиграции». На этот раз мы имеем дело с разбором труда Владимира Кантора «Русская классика, или Бытие России», изданного в 2005 году. Рассматривая книгу Кантора, Несёбендский пишет: «Процесс европеизации России находил приверженцев среди русской интеллигенции, но, с другой стороны, следует помнить, что в

некоторые моменты он пользовался и поддержкой царских властей. Кантор отмечает здесь определенную амбивалентность, напоминает, что царизм, который интеллигенция чаще всего отвергала, обеспечивал ей привилегированные позиции. Так произошло, главным образом, в результате реформаторских решений Петра I. Радикальных, но избирательных. Прокладывавших путь к образованности, просвещению, контактам с Западом для людей царской администрации, государственных чиновников, кадровых военачальников, богатеющего дворянства, но одновременно оставлявших в стороне большинство жителей империи. В том числе и поэтому к нижним слоям общества западные просветительские идеи проникали с трудом».

В заключительной части эссе Несёбендский характеризует позицию Кантора, касающуюся отношений России с Западом: «Склонность русских к бунтарско-революционным поступкам Кантор определяет как выше средней и как обусловленную недостатком необходимых культурных рамок в повседневной жизни русского народа. Цивилизация Запада, поясняет он, в течение многих столетий оказывала противодействие стихии бунта, впадению в варварство — благодаря выработке механизмов, разряжающих экстремальные эмоции. Позитивную роль играла там, прежде всего, католическая Церковь, которая превратила многовековую традицию оргиастических обрядов в ограниченный по времени карнавал, в праздник, а далее общества Запада подталкивала к современной цивилизации культура Ренессанса. Православная Церковь, зависимая от государства, скроенного по меркам азиатских деспотий, из культурного функционирования общества была исключена. Вместо религии, написал Кантор, русские имели великую литературу. Но достаточно ли великую? Значительная часть русских писателей, художников, ученых, печально констатирует Кантор, позволила увлечь себя идеями, связанным с возвратом к истокам, обращением к первичным доцивилизационным энергиям, которые должны были способствовать прогрессу, минуя звено капитализма. Прогрессу по пути, определенному сначала народниками, народовольцами, а затем — большевиками. Из начертанной Кантором картины следует, что винить нужно Толстого, что нельзя без осуждения вести речь о радикализме Герцена, что безусловно виноваты (...) столь несомненно выдающиеся художники, как Чехов и Горький. Виноваты те, кто осмелился усомниться в буржуазной цивилизации, а прежде всего те, кто поверил в базирующуюся на бунте масс революционную утопию. Поэтому особым признанием Кантора пользуются те писатели, которые не поддались искушению, которые,

противясь самодержавию, поддерживая реформы, критиковали и пагубный порыв значительной части русской интеллигенции к революции, вдохновленной как перекроенными на русские условия концепциями Ницше, Шпенглера, так и разоблачительным анализом капитализма в трудах Маркса. Отметим всё же, что современные оценки радикализации поступков русской интеллигенции не грешат однозначностью. Даже среди либералов появляются те, кто проявляет большое сочувствие интеллигентам, увлеченным революционной утопией».

И, наконец, оценивая позиции автора рассматриваемого труда, Несёбендский пишет: «Его либерализм, однако, не столь зашоренный, чтобы хотя бы частично не одобрить вольнолюбивые взгляды, не обязательно проистекающие из либеральных предпосылок. Он многократно подчеркивает, что в российском государстве был бы вообще невозможен прогресс цивилизации без миссионерской установки русской интеллигенции».

Вопрос в том, как эту миссию артикулировать таким образом, чтобы она достигла до людей. Это, впрочем, касается не только России, но всего движения граждан мира, сосредоточенного в аморфном и неструктурированном пространстве интернета. Ощущение кризиса «политичности» XIX–XX вв. сегодня повсеместно, глобально, и Россия — не исключение. Ответом на этот кризис стал постмодернистский нарратив, пользующийся гротеском и абсурдом. О том, что этот нарратив обрел себя и в России, замечательно пишет Адам Поморский в заключительной части своей книги «Скептик в аду. Из идейной истории русской литературы» (2004). На это же обращает внимание в опубликованном на страницах «Новой Восточной Европы» очерке «Смешно, потому что уже не страшно» Ядвига Рогожа, которая обращает внимание на деятельность блогера Алексея Навального и на цикл «Гражданин поэт» Михаила Ефремова и Дмитрия Быкова.

В заключение очерка говорится: «Сегодня многие «обычные» российские граждане, средне заинтересованные политикой, воспринимают власть с критической усмешкой. К такому изменению настроений преимущественно причастен интернет, который помог разрушить многолетние информационные табу и открыл некоторые постыдные секреты людей власти, что быстро распространилось «в реале». Интернет кипит от критики и насмешек над властью, всё время пополняется новыми материалами, клипами и разоблачениями, демонстрирующими абсурдность

политической действительности, с сотнями столь же злопыхательских комментариев. Этот смех пока по преимуществу остается реакцией на действительность, изменить которую граждане не в силах. Вопрос в том, разрядит ли он на минуту фрустрации российских граждан или склонит к более серьезным действиям, после которых властям будет не до смеха».